

АЛЕКСАНДР
ПРОЗОРОВ

ВЕДУН

ПОЛЯ ДОБРОЙ
ОХОТЫ

Александр Дмитриевич Прозоров
Поля доброй охоты
Серия «Ведун», книга 16

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5972643

Прозоров А. Д. Ведун. Поля доброй охоты : Эксмо; Москва; 2013

ISBN 978-5-699-64520-6

Аннотация

В наши дни у Ведуна немного хлопот. Иногда мешают спокойно жить призраки, еще реже мозолят глаза упыри, упокоить которых умелому чародею раз плюнуть. Мог ли предполагать Олег Середин, что однажды столкнется с такой сильной ведьмой, которая окажется не по зубам ни ему самому, ни его учителю Ворону. И что останется только один способ спасти людей от лютой опасности! Отправиться вспять по реке Жизни в тот далекий год, когда Девочка Сирень только-только начала убивать...

Содержание

Пролог	5
Пророчество	11
Лесная фурия	85
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Александр Прозоров

Ведун. Поля доброй охоты

© Прозоров А., 2013

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Пролог

Даже сырая хмурая погода не могла выстудить густую, облакивающую, точно мех горноста, августовскую ночь. Ветер спал вместе с лесом, но сосны все равно, словно по привычке, поскрипывали, роняя хвою на песчаную прогалину. Здесь терпко пахло смолой, коньяком, маринадом и яблоками. Но более всего – жареным, с румяной корочкой, мясом, что распространяло назойливый аромат на сотни шагов вокруг, накрывая дразнящим облаком и излучину реки, и ольховник под холмом, и сам сосновый бор, в котором раскинули свой скромный лагерь охотники. Костер уже прогорел, и над темно-красным одеялом углей медленно доходил до полной готовности насаженный на вертел окорок небольшой косули.

Слабое сияние еле выхватывало из темноты лица одетых в камуфляж мужчин. Один был остролицый, с рыжими усами и платком на голове, двое других – просто небриты и коротко стриженны, хорошо упитанны, лет сорока на вид. Один из них, пожевывая травинку, пожаловался:

– Я тут у перелеска уже третий год лису взять пытаюсь. Хитрая бестия, прямо как наш кладовщик. И понимаешь, что ворует, – а прихватить никак! Вот и эту заразу уже раз двадцать на дороге встречаю. Сядет у обочины и смотрит этак со вниманием, голову чуть набочок склонив. Пока оста-

новлюсь, пока ружье достану – уже нет! На дальнем конце поля из канавы выглядывает. Обойду – нету. К машине вернусь – опять по краю трусит, под самыми кустами. И стрелять вроде далеко, и упустить обидно. Иной раз по полдня скрадывать пытаешься – и ни фига. Мелькает то тут, то там. И близко не подпускает, и не уходит. Прямо как специально издевается! Я уже и ловушки ставил, и с собаками приезжал – все без толку. Но ведь обидно, мужики! Кто из нас умнее – я или скотина маломерная? Вы ее, может, тоже видели. Крупная, мех густой, а на морде подпалины коричневые, будто вымазана в чем-то.

– Не, Толян, не видел, – помотал головой другой небритый охотник. – Но у того перелеска я на своей «Ниве» дважды в канаву из-за ястреба угодил. Каждый раз совсем низко поперек пути пролетал аккуратно в тот момент, как поворачивать нужно! Я взглядом поведу за ним следом, прыг – и булькнулся, без лебедки не вытянуть.

– Это леший водит, – негромко сказал тот, что в платке. – Тут место, сказывают, совсем нехорошее. Даже лесники стороной обходят.

– Ну да, черти с русалками! – хмыкнул Толян.

– А вы Жорку Свистова помните? – приподнялся на локте остролицый. – Он еще тебе, Толя, манок костяной подарил, когда мы у Косного оврага лося завалили.

– Помню, хороший манок, – кивнул охотник.

– Ну, так они с братом как раз тут стрелялись, когда на

кабана пошли.

– Как «стрелялись»? – Толян, поднявшись на колени, повернул вертел, подставляя жару начавший остывать верхний край окорока. – Не слышал.

– Жорка говорит, пошли они на кабана, – повторил тот, что в платке. – Разошлись недалеко друг от друга. И тут кто-то промеж ними возьми да и хрюкни. Они разом на звук-то и бабахнули. Брат его промахнулся, а Свистов своего родича, стало быть, на месте и завалил.

– А-а, так вот за что ему два года дали! – понял Толян.

– Ну да, – подтвердил остролицый. – На суде решили, что это брательник его так пошутил, хрюкнуть решил. Да только кто же на трезвую голову шутить так станет? Да и стреляли оба. Вот и выходит, что леший их одного на другого навел, добычей поманил. Иначе никак не объяснить.

– Коли леший тут шалит, так чего же ты нас сюда привел, Сань?

– Оттого и привел, – еле заметно пожал плечами остролицый. – Лесники сюда, говорю, не суются. Посему и охотиться спокойнее. Осторожнее только нужно быть. На звук не стрелять, на легкую добычу не вестись. Бесплатный сыр известно где бывает.

– Ну, мы ведь не за мышами гоняемся, Саш... Как думаешь, готово? – Толян за самый кончик снял вертел, поставил острием на землю и стал ножом от косточки вниз срезать тонкий ломтик румяного мяса. – Женя, подсоби!

Третий охотник протянул руку, ухватил мясной ломтик за кончик, дождался, пока товарищ отрежет до конца, переправил в рот:

— М-м, то, что надо! А говорили, косую три дня мариновать нужно... — Нахваливая угощение, Женя помог товарищу срезать еще несколько ломтей, складывая их на лист лопуха. — Пальчики оближешь.

— Ну, под это дело еще по чуть-чуть... — потянулся за бутылкой с коньяком остролицый, наполнил маленькие стаканчики из нержавеющей стали. — За почин!

— Да, за то, чтобы добывать рога только на охоте! — вернув изрядно обструганный окорок на место, взялся за стопку Толян.

— Это верно... — хохотнул Женя.

— Ну а мне в другом месте пока не грозит, — широко улыбаясь, Саша. — Мои рога встречаются только в лесу. Так что за почин!

— Вздروгнули! — Мужчины чокнулись.

— Дяденьки, а можно у вас погреться?

От детского голоса, неожиданно прозвучавшего из темноты, остролицый поперхнулся коньяком, Толян вздрогнул, опустив руку, и только Женя, удачно успев проглотить свою порцию, удивленно фыркнул и схватил с листа серый мясной ломоть.

— Ты откуда? — прокашлявшись, спросил остролицый. Угли давали много жара и совсем мало света, а потому во мраке

ке удавалось разглядеть только силуэт шуплого подростка. – Ты одна? Почему так поздно гуляешь?

– Дяденьки, а вы зачем мою ножку кушаете?

После такого вопроса охотники невольно перевели взгляд на кострище и увидели, что на вертеле и правда обжаривается человеческая нога, изрядно исполосованная ножом по голени.

Женя хрюкнул, кувыркнулся в сторону, отбежал. Судя по звукам, его желудок решил исторгнуть съеденное как можно быстрее. Толян медленно опустил на землю стопарик и, затаив дыхание, на четвереньках попятился прочь. Девчонка между тем на одной ноге припрыгнула ближе к костру. Ее лицо в свете углей имело мертвенно-вишневый цвет, в то время как лохмотья, заменявшие одежду, оставались серыми. Тело во множестве дыр не проглядывало вообще, там оставалась чернота.

– Дяденьки, отдайте мою ножку, пожалуйста... – плаксиво попросила поздняя гостья.

Остролицый охотник, приоткрыв рот и завороченно глядя в поблескивающие из сумрака глаза, снял вертел с колышков и протянул девочке. Та, прямо со стальным прутот, пристроила конечность к бедру, притопнула ногой по песку.

Издалека послышался всплеск и крик. Похоже, Толян в темноте не нашел ведущей к машинам тропинки и угодил в реку. Гостья покосилась на звук, довольно ухмыльнулась, обнажив длинные клыки, светившиеся сочным малиновым

цветом, благодарно кивнула:

– Спасибо, дяденька. Теперь я тебя точно догоню... – И шагнула покрытой румяной корочкой ступней, из которой торчало острое вертела, прямо в угли. С треском взметнулся сноп искр, и охотник, заорав, отпрянул и кинулся бежать...

Пророчество

Проверив, прочно ли встал лак на клинке, Олег Середин взялся за шило и, наложив картонный трафарет, процарапал рисунок. Потом от руки добавил витиеватую букву «М» и начертил свой автограф. Перевернул заготовку и повторил манипуляции с другой стороны. Отложив трафарет, тщательно очистил острием шила получившийся контур, критически осмотрел свою работу, придвинул ближе по верстаку бутылочку с кислотой и стеклянной лопаткой аккуратно нанес на злобно зашипевшую сталь несколько капель. Дождался, пока реакция закончится, перевернул, вытравил рисунок на другой стороне и торопливо бросил клинок в горн, зарыл в угли, включил вентилятор. Квадратный зев быстро раскраснелся, тут и там выросли синие огоньки.

Хлопнула дверь, и в кузню вошел парень лет двадцати, тоже плечистый и коротко стриженный, тоже гладко бритый, с подпаленными ресницами и бровями. Одет он был не по-рабочему, в футболку с эмблемой конноспортивного клуба «Драгун» на груди и чистые светло-голубые джинсы, из-под которых выглядывали белые кроссовки.

– Ты еще здесь, Олег? Это хорошо. Слыхал, кузню нашу закрывают? Говорят, не надобны мы больше на автобазе. Эпоха рессор закончилась, «монтажки» и «квадраты» дешевле в магазине готовые купить, нежели у нас заказывать.

Китай наступает...

Середин молча кивнул, глядя, как набирает красноту клинок в горне.

– Ты чего думаешь делать? В сварной участок пойдешь или уволишься?

Олег снова кивнул.

– Так останешься или уйдешь? – не понял его парень. – У меня тут мыслишка есть... Или, точнее, предложение... Тут в конторе одной садовой художественнаяковка, сказывают, хорошо идет... В общем, заборы они делают, ворота, решетки оконные на заказ, подставки, столбы и прочую декоративную фигню...

Середин опять кивнул, клещами выдернул из горна слабо светящуюся медную пластину, кинул на наковальню, быстрым движением достал клинок, положил сверху и накрыл еще одной медяшкой.

– Не сварится! – моментально поняв его задумку, выдохнул парень.

Середин взял малый молот и несколько раз огрел получившийся «бутерброд».

– Черт! Дай помогу!

Парень заметался по кузне, нашел брезентовые рукавицы, схватил клещи. Олег, взявшись теперь за молот двумя руками, быстро работал, расплющивая медную пластину в тонкую фольгу.

– Не сварится!

– Переверни! – скомандовал Середин и принялся уверенно плющить фольгу с другой стороны. Доведя ее до толщины волоса, снова приказал: – Переверни! – И, тяжело дыша, пояснил: – Лак термостойкий, весь не выгорел, окалина осталась. К ней не прилипнет. А где флюс был, там встанет... Держи!

Он поменял молот на обычный молоток, снова стал прибавать фольгу к стали. Она, уже изрядно остывшая, «поползла», разрываясь и опадая. На глянцево поблескивающем клинке остался впечатанный в сталь золотой рисунок в виде девичьей головы с длинными волосами и личной подписью ведуна под ней.

– Переверни!

Парень послушался, заворуженно смотря, как его товарищ покрывает прочнейшую вольфрамово-марганцевую инструментальную сталь изящным желто-красным рисунком.

Сбив лишнюю медь, кузнец отступил, бросил на клинок критический взгляд, кивнул, отложил молоток, отобрал у напарника клещи и снова перебросил свое изделие в горн.

– Не вытечет? – поинтересовался парень.

– До красного цвета должна держаться, а потом я в масло перекину для равномерной закалки, – ответил Олег. – Потом чуток отпущу, чтобы в нутро ушла, и еще раз прокалю, но уже от цвета побежалости.

– Не боишься, что заметят, как ты хозяйский горн для своих клинков используешь? – Парень снял рукавицы, бросил

на верстак. Встретил удивленный взгляд товарища и спохватился: – И то верно! Чего бояться, если все равно увольняют?

Олег снова молча кивнул, поворошил угли, включил поддув. Пока клинок грелся – приготовил ванночку. Дождавшись нужного цвета, ухватил будущий меч за хвостовик, перебросил в масло и держал, пока не стихло шипение. Снова вернул в горн, выждал еще немного, опять опустил в ванночку, достал, перекинул на наковальню, слегка простучал холодным. Потом ушел в угол, к наждаку, поменял точильный круг на полировочный, включил, стал доводить свое изделие до зеркального состояния.

– Пленку защитную сотрешь! – предупредил парень.

– Я его еще через гальваническую ванну пропущу, – пояснил Середин. – Посеребрю слегка. Внешне заметно не будет, а от ржавчины защитит.

– Как ты свои мечи любишь!

– А разве можно их не любить? – Олег оторвался от круга и протянул почти законченный клинок товарищу.

Тот аккуратно принял меч в руки, провел пальцами по стальному зеркалу, глядя в которое можно было бриться, коснулся таинственно улыбающейся миниатюры, покачал головой:

– Да, умея ковать такие игрушки, крутить петли для дворовых ворот ты, конечно, не захочешь. – Парень вздохнул, возвращая меч. – Но ты все-таки подумай. Платить обещают неплохо. Горн, уголь и наковальня гарантируются. Если

захочешь, клинки свои и там делать сможешь. Может быть, наоборот, фирме еще и понравится? Будешь ковать, сколько захочешь!

– Настоящий меч получается только тогда, когда в него вкладываешь душу, – сказал Середин. – А вкладывать душу в конвейер не способен никто. Вот решетки – другое дело. Это ремесло можно клепать в любом настроении. Я подумаю.

– Отлично, договорились, – обрадовался парень. – Завтра увидимся! Ну, я побежал. Жена заждалась, наверное.

– До завтра, – уже в который раз кивнул Олег и снова повернулся к шлифовальному кругу.

На доводку клинка у него ушло еще два часа, и к клубу на Первомайской улице он приехал только поздно вечером, застав Ворона на скамейке у дверей – тот сидел, поджав ноги и изучая что-то интересное, явно подобранное с земли. Старый колдун, который и без того не мог похвастаться ни ростом, ни телосложением, в таком виде донельзя напоминал крупную птицу, примостившуюся у входа в старое кирпичное здание. Длинные черные волосы, распущенные по плечам и спине, придавали ему еще больше сходства со старым мудрым вороном.

– Привет, чадо, – поздоровался с учеником колдун, не поднимая головы. – Что-то ты сегодня припозднился. На тренировку не успел, спарринги теперь менять из-за тебя не стану.

– Добрый вечер, Ливон Ратмирович, – кивнул Середин. – Прости, учитель, не успел. Старый клинок отдал по случаю, новый же доделать все не получается.

– Вот как? – заинтересованно поднял голову «мудрый птиц» и небрежно бросил свою находку в карман. – Чего это ты вдруг решил с мечом любимым расстаться?

– Рукоятку поменять захотел. Вот и подумалось: зачем старую ломать? Отдам целиком да откую клинок лучше прежнего. Пусть в новой рукояти новое лезвие сидит.

– Ой ли?! – хитро прищурившись, склонил набок голову Ворон. – Так просто и отдал? Чисто за-ради рукояти?

– Ну... – вздохнул Олег. – В общем, мне палеонтолог один кость единорога отдал. Они у Азова аж три скелета выкопали, сейчас из них для музея один целый собирают. Два рога ломаных оказались. Им ни к чему, а для наших дел вполне подходит. Я крестиком проверил, греется.

– Покажи!

– Я его уже немного подрезал... – повинулся Середин, скидывая с плеча сумку.

Достал небольшой сверток, развернул тряпицу. В ней оказалась белая костяная рукоять – с отверстием под хвостовик клинка с одной стороны и огромным, крупно ограненным зеленым камнем на другом конце.

– Изумруд? – вскинул брови Ворон, двумя руками принимая сокровище.

– Бутылочное стекло, – чуть заметно улыбнулся Олег. –

Расплавил осколки в горне и подрихтовал.

– Это он, – поднеся рукоять к лицу, повел носом старый колдун. – Аромат лугового бархатца и перунника не спутать ни с чем другим. Удивительно. Я думал, за минувшие века знахари собрали все кости до последнего коготка. И вдру целых три скелета... Что ты сделал с опилками?

– Собрал, – пожал плечами Середин. – Они ведь лечат от полусотни болезней и служат отличным противоядием.

– Ты изменился после возвращения, чадо, – вздохнул Ворон, возвращая рукоять. – Не смеешься, не хвастаешься, с друзьями не веселишься. И дерешься всегда так, словно перед тобой враги настоящие, а не товарищи. И девушек возле тебя ни одной не ощущается. Не тот ты ныне ведун, что ранее. Совсем не тот.

– Работы много. Да и тренировки затягивают.

– А клинок новый покажешь? – хитро прищурился Ворон.

Молодой человек помялся, потом вытянул из сумки метровую картонную трубу с надписью: «Карниз деревянный», вытряхнул из нее серебристо поблескивавший в свете фонарей меч.

– Молодец, – похвалил его колдун. – В мое время цены бы тебе как мастеру не было... – Он провел большим пальцем по женскому лицу, обрамленному длинными прядями. – Буква «М» означает «Мара»?

– Я обещал ее прославлять, Ливон Ратмирович, – попытался оправдаться ведун. – Клятву дал, что стану славить ее

имя.

– Она осталась там, чадо. – Ворон покачал головой: – Вы больше не встретитесь. Ты еще совсем молод, у тебя будет долгая жизнь. Нужно думать о будущей судьбе, а не цепляться за прошлое. Да и невозможно смертному ужиться с богиней. Вы существа разных миров. Ничего хорошего из твоей любви не выйдет. Забудь.

– Она меня поцеловала, Ворон, – тихо сказал Олег. – Ты даже не представляешь, что это такое: поцелуй богини. Чтобы ощутить его снова, не жалко самой жизни.

– Ты ври, да не завирайся! – Колдун спрыгнул на землю и стал суетливо собирать волосы на затылке. – Кабы Мара тебя поцеловала, ты бы выглядел не лучше единорога.

– Она поцеловала меня, когда я был в мире мертвых. И то невероятное ощущение выбросило меня обратно в жизнь.

– Она из тебя не только смерть, она из тебя еще и разум выбила, чадо мое неразумное. – Ливон Ратмирович стянул наконец волосы резинкой. – Забудь ее. Найди себе молодую миллионершу, запудри мозги, сядь ей на шею, да и живи себе в спокойствии и блаженстве, как трутный гриб на березе.

– Чего? – опешил от подобного совета Середин. – Ты, часом, под фонарем не перегрелся, учитель?

– Вот, держи, – пошарив по карманам, вытащил сложенную пополам бумажку Ворон и сунул ему в руку.

– Что это?

– Адресок один. Меня погостевать звали, да токмо и те-

бя примут, не обидятся. Скажешь, от Ливона Ратмировича. Приютят, накормят, приголубят.

– Зачем? – не понял Олег. – Мне как бы и здесь хорошо.

– Дорога тебе дальняя выпадает, чадо. – И без того щекастое лицо Ворона расплылось в широкой и явно ехидной улыбке. – Чародей я или нет? Погадал на воде дождевой при луне ущербной, вот пред очами судьба твоя и открылась. Дорога долгая, дорога дальняя и зело извилистая. А чем кончится, того и не понял. Больно мала плошка была, всего не разглядеть.

– Этот мир к путешествиям не располагает, – покачал головой Середин, пряча бумажку в карман. – Работа, телевизор, сон, работа. Когда кататься? Куда и зачем?

– Ты смотри, какая роскошная машина сюда катит, – указал на полутемную улицу Ворон. – Кроме нашего клуба, в этом тупике ничего нет. Не иначе клиент жирный пожаловал. Пойду гляну, как там с порядком внутри. Дабы раньше времени не спугнуть.

Ворон отряхнул выпущенную поверх джинсов рубашку и нырнул за дверь, оставив Олега в легком недоумении. Ранее Середин за своим учителем подобного подобиострастия перед богачами не замечал. Скорее – наоборот. Посмеивался, как над папуасами, гордящимися ракушками в ушах.

Пожав плечами, Середин аккуратно заныкал клинок обратно в коробку, а коробку – в заплечную сумку. Тем временем далекая машина наконец-то доползла по разбитому

проулку до клуба и погасила ксеноновые фары, оказавшись широким и приземистым малиновым «Майбахом» с затемненными задними стеклами. Одновременно раскрылись передние дверцы, на асфальт уверенно ступили водитель и его спутник, одетые в одинаковые костюмы и бежевые рубашки с полосатыми галстуками, ростом под два метра и с плечами, не умеющимися в пиджаки. Спортивной походкой парочка направилась к Олегу и замерла в трех шагах, закинув руки за спину – словно ожидая, пока невидимый полицейский замкнет их наручниками.

– Гражданин Середин?

– Не просто гражданин, а гражданин России, – поправил их ведун. – Есть вопросы?

– С вами желает поговорить Юрий Делесин. – Один из парней сделал приглашающий жест в сторону машины.

– Первый раз слышу, – удивился Олег. – Но если он так хочет, пусть приезжает, поговорим.

– Он здесь. – Водитель продолжал указывать рукой на заднюю дверцу «Майбаха». – Прошу.

– Ну, если здесь...

Ведун помедлил, погладил левую руку. Привязанный к запястью освященный крестик ничуть не грелся. Стало быть, колдовства ни за бугаями, ни за машиной не имелось. А коли так – то почему бы и не побеседовать с человеком, если уж он прямо сюда в гости пожаловать не поленился?

В салоне лимузина пахло жасмином, было прохладно, и

откуда-то из-под кресел лилась мягкая, убаюкивающая музыка. Единственный пассажир машины выглядел лет на сорок, был худощав, гладко выбрит, волосы аккуратно, прядь к прядочке, уложены и залиты лаком. Или просто расчесаны крупным гребнем – в этих тонкостях Олег не особо разбирался. Костюм на мужчине был цвета машины, однако рубашке и галстуку он неожиданно предпочел футболку самого затрапезного вида. Степень потасканности, видимо, определялась лучшими европейскими дизайнерами по тысяче евро за кивок.

– Что же вы, молодой человек, до сих пор телефоном сотовым не обзавелись? – мягко укорил его пассажир. – Ни вызвонить вас, ни дома застать. В социальных сетях не регистрируетесь, электронной почты не имеете. Как можно так жить в наше время?

– Вы не поверите, вполне успешно. – Олег утонул в мягком диване из перфорированной кожи. – На худой конец, можно было записку под дверь подсунуть.

– Как-то в голову не пришло, – усмехнулся мужчина. – Буду иметь в виду. Однако давайте познакомимся. Вы – Олег Середин, двадцать пять лет, работаете кузнецом в АТП номер семь. Пока работаете. Насколько я слышал, у вас грядет сокращение штатов. Увлекаетесь историческим фехтованием, занимаетесь в клубе «Остров Буян», а кроме того, занимаетесь язычеством и прочей сопутствующей галиматьей. На все прочее, как я понял, времени у вас не остается. Ну

а я, как вы уже должны были понять, Юрий Делесин, председатель совета директоров торгово-инвестиционной фирмы «Роксойлделети».

– А-а-а! – наконец сообразил Олег. – Вы отец Роксаланы! Она же мне рассказывала! Да, давно мы с ней не виделись. И как она там? Жива? Здорова? Чем занимается?

– Занимается историческим фехтованием, тестированием экстрасенсов, колдунов и русским язычеством, – вздохнул мужчина. – Должен признать, голову вы ей запудрили основательно, никогда еще такого за девочкой не замечалось. Каждый день вспоминает. Такого наслушался, что даже не знаю, как и реагировать.

– Надеюсь, ничего странного? – насторожился Середин, вспоминая приключения, через которые ему пришлось протаскать свою случайную попутчицу.

– Настолько «ничего», что до сих пор никому не ясно, каким образом она смогла нелегально попасть из Швейцарии во Владимирскую область. Пришлось потратить немало сил, чтобы закрыть расследование по этому вопросу. Вы ведь, как я понимаю, вместе возвращались?

– Нет, вместе мы летели туда, – поправил его Середин. – Возвращались по одному. Значит, с ней все в порядке...

– Именно о ней я и хотел поговорить. – Делесин взмахнул рукой, и музыка стихла. – Понимаете, молодой человек, я очень мирный гражданин, не люблю насилия и привлечения силовых структур в свою жизнь без крайней на то необхо-

димости. Поэтому у меня есть для вас очень простое предложение. Я выплачиваю вам некую комфортную сумму или помогаю вам устроиться после увольнения на достаточно почетную и доходную должность, а вы оставляете мою дочь в покое. Не морочите больше ей голову, не показываете фокусов, не рассказываете всяких глупостей, не даете никаких обещаний и не таскаете за собой по нелегальным маршрутам. Договорились?

– У меня есть встречное предложение, господин директор, – вздохнул Олег. – Вы оставляете при себе свои деньги, свою дочь и свою протекцию. И больше не тратите на встречи со мной свое драгоценное время. Рад был познакомиться.

Он потянул на себя ручку открывания дверей, вышел и наткнулся на стоявшего почти вплотную бугая.

– Тебя еще не отпустили, – буркнул парень и положил ему руку на плечо, пытаясь вернуть в салон.

Олег просто взял его ладонь в свою и крепко сжал. Парень ойкнул, выпучил глаза и даже слегка присел.

Ежедневный восьмичасовой рабочий день молотобойца, как ни крути, имеет некоторые преимущества даже перед самой изощренной борцовской подготовкой.

– Меня вы «послали» довольно бодро, молодой человек, – послышался насмешливый голос из салона. – Посмотрим, насколько успешно вы сможете это сделать в отношении Роксаланы. Она девочка упрямая.

– А разве вы за ней не присмотрите? – отпустив телохра-

нителя, наклонился к открытой дверце Середин.

– Зачем? – сверкнул белоснежной улыбкой миллионер. – Я бы понял, молодой человек, если бы ради нее вы отказались от любых денег. Я бы понял, если бы ради денег вы отказались от нее. Но если вы отказываетесь и от того, и от другого – это уже ее забота. Тут явно искренние чувства замешаны. Как я понял, вы не урка, не альфонс и не мажор. Мое отцовское сердце успокоилось. Ну а со страстями детскими разбирайтесь сами. Всего хорошего, Олег.

– Вот, ква! – чуть не сплюнул от неожиданности Середин. – Только ее на мою голову не хватает.

Бугай, отодвинув его, захлопнул дверцу, обежал машину, сел на свое место. Массивный «Майбах», развернувшись в два приема, неспешно покатыл назад. Внезапно остановился, толстое стекло задней дверцы медленно поползло вниз, и оттуда выглянул Делесин:

– Олег! Скажи, а насчет тонны золота, что у тебя на Урале спрятана, это правда?

– Ну, электрическая сила! – чуть не застонал ведун, начисто успевший забыть про золотого демона, расплавленного им на пару с Роксаланой где-то в верховьях реки Белой.

– Значит, правда? – удивился мужчина. – Не ожидал... Тогда удачи, Олег! Думаю, мы еще увидимся.

Стекло поползло вверх, а «Майбах» – дальше по улице.

– Вот проклятие, – негромко пробормотал себе под нос Середин. – Роксалана и так-то, когда скучно, умеет быть при-

ставучей, что банный лист. А если вдобавок еще и тонну золота рассчитывает получить... Интересно, сколько она меня не видела?

Старый Ворон вытащил девушку в современность еще перед его походом к Русе. Ведун гулял после этого года полтора и вернулся... В тот самый час, из которого ушел. Выходит, по его времени они не виделись года полтора, а по ее – пару месяцев. Он спутницу давно перестал вспоминать, а она еще только-только соскучилась. Хотя могла начать поиски с первых же дней. Ведь тонна золота, которую он выбросил из головы, едва только догорела импровизированная домна, – осязаемый стимул для девушки из породы коммерсантов.

«И ведь наверняка ее стараниями меня и выследили, – решил Олег. – Папа-то Роксаланы обо мне вообще ничего не знает... Не знал. Кого и где, по каким приметам искать, не подозревал. Значит, шарила она. Но наверняка по родительским каналам, потому папа и в курсе. Проклятие! Выходит, девочка скоро появится. Ква-а...»

Ведун почесал в затылке, прикидывая, чем может закончиться это свидание. И при любом раскладе выходило, что въедливая девчонка с властными замашками феминистки станет очень, очень долго есть ему мозг. Либо по поводу золота, либо по поводу коммерческих проектов освоения Древней Руси современными горнопромышленными методами. Но скорее всего его ждет все, вместе взятое, включая любовные домогательства и демонстрацию полученных за

прошедшие дни боевых навыков. Драться Роксалана за время их путешествия ох как полюбила.

Середин похлопал себя по карманам, достал врученную учителем бумажку, развернул: «Архангельская область, Каргопольский район, деревня Самково, хутор Лукошин».

Ворон как в воду смотрел. Именно то, что надо.

* * *

Старенький «ижак» Олега скоростью, конечно, не блистал, тягаться с иномарками на прямых участках шоссе не мог – но зато свой «стольник» пилил равномерно и уверенно даже в пробках, решительно проскальзывая между стоящими автомобилями либо обгоняя медленно едущие грузовики по краю полосы. Так что к вечеру ведун был уже в Вытегре – и это при том, что утро Середин провел на работе, написав заявление об увольнении по семейным обстоятельствам и обежав все службы с «обходным». Учитывая грядущее закрытие кузни, отдел кадров об обязательной отработке напоминать не стал. Олегу показалось, что кадровичка даже вздохнула с облегчением, избавившись от лишней проблемы.

Только после одиннадцати, покончив с канцелярщиной, ведун наконец-то уселся в седло мотоцикла и дал полный газ.

В Вытегре Олег задерживаться не стал, проскочил в сторону Пудожа, а когда стало смеркаться, свернул с трассы на

полузаросшую грунтовку. Проехал по ней километра полтора и остановился у некошеного луга, возле журчащего посреди двухметровой ширины русла узкого прозрачного ручейка. Прислонил мотоцикл к шелестящей низкими ветками осине.

Сюда не долетал шум от дороги, не было видно электрического зарева близких городов, тут не гудели поезда, не играла музыка. Здесь стрекотали кузнечики, попискивали птенцы в невидимом гнезде, пели о своем далекие птицы и шуршал в траве какой-то мелкий зверек. Мало-помалу на чистом небе разгорелись звезды, слабый ветерок принес запах цветущей гречихи, перемешанный с полынной горечью, и у ведуна отчего-то защемило в душе, а губы впервые за много недель зашептали заветные слова:

– Ветер по листве, шаги по траве, взгляд по небу, дыхание по тишине... Дети мы одной земли, одного неба, одного бога. Без зла и корысти пришел я к вам, духи лесные, и вы на меня гнева не держите. На одном лугу с вами отдохнуть позвольте, одной воды испить, одного хлеба преломить...

Олег замолчал, прислушался... Увы, не зашевелились в ответ обитатели крон и кустарников, не отозвались лесовики и травники, не улыбнулась его словам местная берегиня. Отвыкли они от внимания смертных, перестали слушать голоса путников, ушли куда-то прочь, в свои далекие края, тайные норы, заснули где-то в нетях до той неведомой поры, пока люди не позовут их обратно.

Ведун вздохнул, прошел десяток шагов вдоль русла, сло-

мал две тонкие сухостоины, легко поломал об колено. Сложил костерок, запалил. Пока огонь разрастался – открыл рыбные консервы, с удовольствием съел. Банку хорошенько ополоснул в ручье, зачерпнул воды и поставил на огонь, добавил немного чая с шиповником. Вскоре ароматный бодрящий напиток закипел. Сняв банку с огня, Олег с наслаждением, крохотными глоточками, выпил варево – однако жажды не утолил, заварил себе чаю еще раз и только с третьей попытки вскипятил в банке уже обычную чистую воду, без всяких примесей. Дал ей чуть-чуть остыть и бросил в воду полиэтиленовый пакетик с желатином, который самолично почти сутки вываривал еще дома из бычьих костей. Пока клей грелся, достал из сумки и расстелил возле мотоцикла спальный мешок, лег на него, закинув руки за голову и глядя на полную луну, медленно ползущую к зениту.

– Хоть ты осталась такой, как прежде, красавица, – порадовался он. – Уж не знаю, кто еще на мой призыв в здешнем мире может откликнуться.

Луна моргнула, с высоты согласно гукнул филин. Поняв, что это был знак, ведун торопливо поднялся, вытряхнул из сумки свертки, раскатал тряпицы. Схватил рукоять, выдернул из воды пакетик с растаявшим желатином, выдавил его в отверстие. Вогнал следом хвостовик клинка и вскинул почти готовое оружие над головой:

– На море-океане, на острове Буяне стоит Алатырь-камень. Никому его не поднять, никому не опрокинуть, нико-

му с места не двинуть, нет никого его сильнее. Принеси, ветер, силу с того острова, от Алатырь-камня, отдай ее моему мечу, чтобы не было силы в мире подлунном, способной клинок сей одолеть. Ты, Луна, светла и высока, чиста и прекрасна. Излей свет свой на мой меч, чтобы не было в мире клинка его прекрасней. Ты, мышка-норушка, выберись из своей норки, принеси мне силу земную, дабы отвагой меч мой напился и вперед меня самого завсегда в бой стремился. Ты, лягушка-квакушка, принеси мне силу воды, дабы неутомим меч мой был, как и воды речные. К вам обращаюсь, духи лесные. От одного корня произрастаем, от одного бога рождены, одним воздухом дышим, одну воду пьем. Дайте и вы свою силу мечу моему, дабы земли просторы общие от врага любого защитить мог. От воина злого, от колдуна черного, от зверя лютого, от проклятия иноземного отныне, присно и во веки веков!

Примотанный к руке Олега крестик вроде бы чуть нагрелся, реагируя на языческую магию. Это дало ведуну некоторую надежду. Может статься, еще и не сгинули окончательно в небытие духи земли русской? Поэтому, бросив пакетик в огонь, он вылил использованную воду, вскипятил свежую, заварил ароматный чай и оставил его с кусочком хлеба под ближним кустом. Угощение, обитателям лесов и лугов обычно недоступное, а потому особенно лакомое. Законченный меч ведун оставил застывать на сиденье мотоцикла, сам же забрался в спальник и почти сразу уснул.

Разбудил путника подобравшийся к руке жар. Спросонок ведун решил, что это крестик предупреждает его о близком колдовстве, схватился за нож — но оказалось всего лишь, что на запястье упали пробившиеся через листву утренние солнечные лучи. Олег расстегнул молнию, приподнялся — и увидел ворона, сидящего на рукояти меча. Они встретились взглядами, граненая стекляшка на оголовье поймала утренний свет, выбросила сноп ярких зеленых лучей. Птица каркнула и взмахнула крыльями, поднялась в воздух, а примотанный к запястью крест неожиданно ожег кожу болью. Это была магия! Духи луны, ветра и земли откликнулись на его просьбу и одарили новый клинок своей силой! Теперь меч был не только легированным и закаленным, но и заговоренным. Так просто ни человеку, ни нежити перед ним отныне не устоять.

Чародейский обряд не просто поднял настроение ведуну — он словно изменил весь мир вокруг. Олег выехал на дорогу, и очень скоро из асфальтовой она стала грунтовой. Распаханные тракторами поля сменились узкими просеками, где темнели небольшие огородики с капустой или свеклой, но по большей части встречались укусы, на которых подсыхало упавшее ровными рядами сено. Избы в деревнях стали встречаться бревенчатые, темные, с торчащей из щелей паклей, а то и вовсе мхом. Виноловая вагонка и профнастил сюда еще не пробрались. Древние кирпичные храмы с провалившимися крышами за Пудожем сменились церквями де-

ревянными. Поначалу – тоже ветхими, с гнилой кровлей, а затем уже более крепкими, окрашенными и застекленными. Еще два десятка километров – и храмы стали совсем уже новыми, с черными тесовыми крышами, на совесть продегтяренными от гнили. С каждым намотанным по пыльной грунтовке часом Середин словно погружался все глубже и глубже во времени. Вот исчезли с домов на его пути ондулин и металлочерепица, уступив место шиферу, тесу и дранке. Вот уже не стало бетонных и железных столбов, придорожные знаки теперь были нарисованы на дощатых щитах, а заборы, поначалу стыдливо превратившиеся в жердяные изгороди, сделались бревенчатыми, прикрытыми поверху резной тесовой черепицей...

Это было уже очень похоже на тот мир, по которому Олег так соскучился: монументальная ограда в полтора человеческого роста из полуобхватных бревен – кто их жалеет, бревна-то, в краю бесконечных лесов? Могучие ворота с широкой тесовой крышей, под которой легко могут укрыться от дождя с десятков путников, а дальше, во дворе – многоярусные хоромы с причудливо гнутыми крышами, с высокими стрельчатыми окнами, резными ставнями, ветровыми досками... Если бы не кресты на шатрах и луковках – истинно княжеские хоромы. А так – скорее всего какой-то монастырь.

Но у Середина появилось ощущение, что еще немного – и он, миновав христианскую эпоху, легко вкатится в самое

язычество с его просторными и открытыми солнечными святилищами, с венками из цветов и жертвенными кострами, с хороводами и праздниками.

Многоярусные монастыри с бревенчатыми заборами стояли уже в Каргопольском районе, и, миновав второй из них, Олег въехал в деревню Самково. Спрашивать дорогу на хутор не пришлось: ядовито-зеленая стрелка с надписью «Хутор Лукошин» и коряво нарисованной желтой корзинкой красовалась на стене местного магазинчика, возле которого Середин как раз и собирался притормозить и пообщаться с туземцами.

Теперь нужды в этом не было – путник нажал пяткой на переключатель передач и добавил газу, выруливая на песчаную грунтовку, уходящую между высокими зарослями пыльной сирени. Еще пять километров через совсем юный, светлый низкорослый березняк – и впереди показался опрятный двор, обнесенный деревянным забором из нашитых «елочкой» досок и с новеньким двухэтажным домом внутри. Разумеется – рубленным. На перекладине над калиткой возвышалась полуметровая корзина, сплетенная из чего-то, похожего на обрезки автомобильного тента. Олег понял, что это «бренд» хутора, зарулил к скамейке у ворот и заглушил двигатель.

Хозяева оказались людьми достаточно молодыми – лет тридцати на вид. Обтянутая кожей, словно термоусадочной пленкой, большеглазая Ирина с длинными серыми волосами

(дамочка явно переборщила с фитнесом – даже через толстый бадлон можно было пересчитать у нее все ребра и увидеть, как под ними стучит сердце) и муж ее Игорь, хмурый, бритый на всю голову, с татуировкой дракона на предплечье и крупными крестьянскими ладонями.

– Вы меня извините, поилку в свинарнике наладить нужно, – сказал мужчина, едва войдя вместе с гостем в дом, и тут же вышел.

– Не успеваем, – виновато развела руками Ирина. – Работников нанимать нельзя, налоговая сразу «упрощенку» снимет, а вдвоем с таким хозяйством управиться непросто.

– Ничего страшного, – опустил сумку на пол Олег. – Работа – это святое. Без нее человеку нельзя.

– Я сейчас чайник поставлю... Или хотите кофе? Или вы проголодались? Мы только в шесть обычно ужинаем. Хотите, могу суп согреть.

– Лучше чай.

– Индийский, зеленый, каркаде? – Хозяйка заторопилась в просторную гостевую.

– Каркаде... – Ведун прошел следом.

Дом хуторян мало напоминал обычную деревенскую избу. Бревна стен были подчеркнута грубо окорены и покрыты матовым лаком, щели забиты пеньковым канатом, ступени ведущей наверх лестницы сделаны из расколотых надрезов плах, печь у противоположной стены отделана изразцами, причем над верхним краем тонкой полоской шла свето-

диодная лента. Акварельные пейзажи, как бы беспорядочно развешанные по стенам, замшелая бронзовая люстра с колпаками, похожими на половинки водочных бутылок, потолок с состаренными растрескавшимися балками и фанерный шкаф, расписанный цветочками, заставили Олега понимающе скривиться:

– Проект дома у московских модельеров заказывали?

– Это мой, – оглянулась на него от плиты хозяйка. – Я дизайнер, аспирантуру окончила по специализации гармонизатора пространства.

– Вот это ква! – изумился Олег. – Как же вас сюда занесло?

– За мужем, – пожала плечами женщина. – Он здешний, в Москве только учился. Поначалу мы сюда в отпуск к его матери приезжали или на длинные выходные. Но когда Анастасия Федоровна скончалась, решили и вовсе переехать. Жизнь тут куда спокойнее, чем в городе, и достойнее. Ни спешки, ни толкучки, ни постоянной ненависти друг к другу из-за нехватки места на парковке. Из-за того, что в очереди раньше оказался, из-за того, что в троллейбусе тесно, а ты на работу опаздываешь. Из-за тесных комнатенок за бешеные деньги, из-за постоянной нехватки этих самых денег... Ну и, конечно, воздух тут совсем другой, и вода, и пища. Когда детки появятся, тут куда как здоровее вырастут.

– Ну и как? – кратко поинтересовался Середин.

– Здорово, – повернулась к нему хозяйка. – За те деньги, что в Москве мы даже однокомнатной квартиры купить бы

не смогли, здесь вот что отгрохали, – она обвела рукой комнату. – Вот только... Ну, вы знаете...

– Работа? – понимающе кивнул ведун.

– Да, Игорьку приходится крутиться, – согласилась женщина. – Из меня помощник никакой. Но он умница, управляется.

– Большое хозяйство?

– Свинокомплекс на полторы тысячи голов. У нас договор с питерской сетью ресторанов на полтонны парного мяса в день. Специально две машины туда-сюда гоняют. Знакомые моего дядюшки помогли. Не задаром, конечно, с ценой прижали. Но небольшая прибыль пока получается, и поручителем за кредит тоже они числятся. А там, глядишь, и еще какой доход появится.

– Полторы тысячи? – изумленно присвистнул Середин. – Как же он управляется?!

– Автоматизация, – кратко объяснила хозяйка. – Иногда местных нанимает подсобить. Но когда ничего не сломано, то нормально, еще и телевизор успевает посмотреть.

Громкий щелчок возвестил, что вода вскипела, Ирина крутанулась, залила заварочный чайник, накрыла его ватной «бабой» в красном сарафане и с растопыренными руками.

– Скоро будет готово, – кивнула она. – А вам где комнату приготовить? Вы с нами будете или здесь останетесь?

– Где с вами? – не понял Середин.

– Ну, мы тут только днем удобствами пользуемся, а ноче-

вать в старый дом уходим, родительский, – указала в окно женщина.

Ведун глянул в указанном направлении.

Строение, приютившееся в углу двора, было тоже весьма солидным: бревенчатое, метров двадцати в длину и составленное из трех отдельных срубов. Правда, за свою долгую жизнь срубы успели разойтись и покоситься относительно друг друга, открыв широкие черные щели, крытая толем крыша выглядела неровной и наверняка текла. В общем, дом был богатым... Когда-то... Ныне же вполне мог завалиться набок и засыпать своих владельцев бревнами. При всей любви к отеческому крову – ночевать в этом сооружении, имея рядом новенький, «с иголочки», с любовью выстроенный и отделанный дом, показалось Олегу весьма странным.

– Чего я вас там беспокоить буду? – пожал он плечами. – Останусь здесь.

– Хорошо... – Ирина быстро накрыла на стол. Тоже «дизайнерский», сшитый из шпунтованной половой доски и покрытый лаком. – Тогда я вам на втором этаже кровать застелю и свет подключу. Там туалет и ванная в конце коридора. Вы ведь, наверное, хотите душ принять после дороги?

От душа Середин, конечно же, не отказался.

Смыв пыль, он вернулся в отведенную хозяевами комнату, привычно примотал крест на место – к запястью, сунул в карман штанов выкидной нож. Таскать в гостях на поясе обычный походный ему показалось неприлично, а вообще

без оружия ведун ощущал себя голым. Приведя себя в порядок, с удовольствием распластался на мягкой двуспальной кровати. Она стояла в центре, была с балдахином, светодиодной подсветкой снизу и над куполом. Еще здесь имелись зеркала на стенах, две плазменные панели разного размера и несколько ручек, которые он определил как замену балетного станка для экзерсисов перед зеркалом. Ира все же явно увлекалась фитнесом, это и к бабке не ходи!

Судя по всему, Середину отвели хозяйскую спальню – вряд ли супружеская пара с таким тщанием обставляла гостевые комнаты. Если таковые тут вообще имелись. Невероятный праздник щедрости – самим обитать в халупе, а незнакомого гостя, пусть и прибывшего от имени Ливона Ратмировича, размещать, словно принца...

Вспомнив поговорку о сыре и мышеловке, Олег поднялся, обошел комнату еще раз, потом выбрался в длинный коридор, внимательно осмотрел и его, заглянув во все двери. Однако прочие помещения оказались пустыми: обставлять будущие детские комнаты супругам было рано. Не найдя ничего странного, ведун спустился вниз, помялся у кухни, но мешать хозяйке с приготовлением ужина не стал и свернул к входной двери. На дворе, обогнув серебристую «Хонду» хозяев, отправился к старому дому. Остановился у крыльца, прислушиваясь к своим ощущениям. Не тревожным, нет. Станным... Станным, как толстый столб, на два метра торчавший из конька крыши. Раньше на нем что-то явно дер-

жалось, но трухлявый слом доказывал, что это «нечто» пару лет назад обломилось и больше не восстанавливалось.

Краем глаза Середин заметил, что по дорожке к нему подкрадывается одетый в серую спецовку Игорь, но сделал вид, что увлекся созерцанием сруба, и тихо опустил руку в карман.

– Да, вы правы, это часовня! – громко сказал в самое ухо парень.

Оказывается, он просто хотел напугать гостя неожиданным возгласом! Шутник... Олег отпустил нож, оглянулся:

– Вы живете в церкви?

– Почти. Долгая история. Пойдемте ужинать. Я с приводом разобрался, на сегодня с меня хватит. Можем даже выпить по рюмашке. Вы как?

– Человек слаб, – улыбнулся Середин. – Против такого соблазна трудно устоять. Однако про дом из церкви все же интересно. Это была борьба с религиозным дурманом?

– Это была борьба за дурман, – рассмеялся хозяин. – Вы не поверите, что у нас тут за чехарда с церквями и часовнями в двадцатом веке творилась. Идемте, за ужином расскажу.

Стол был накрыт богато и ожидаемо: буженина, сало, котлеты, колбаски, жаркое... Разбавляли мясное изобилие только огуречный салатик и картошка с укропом. Рябиновая настойка была у начинающих фермеров тоже, конечно же, своей. Первые две стопки позволили компании слегка расслабиться, но общей темы для разговора пока не находилось, и

Середин напомнил:

– Так что там за история с часовнями?

– А-а, точно, сейчас расскажу... – Игорь наполнил рюмки еще раз. – Дело это тянется из самой седой древности. Дело в том, что у нас на Каргополье принято ставить в удобных местах небольшие часовенки. Коли захочется человеку помолиться – так чтобы не ехать за тридевять земель, а под крышу зайти, свечу поставить да на образа перекреститься. Сами понимаете, не тот у нас климат, чтобы под открытым небом службы стоять. То дождь, то ветер, то снег и стужа зимняя. Да и дни зимой коротки. Вот и рубили часовенки, где кому приглянулось. И все бы было хорошо, да только заметили наконец в епархии, что церкви в землях наших пустые стоят и дохода никакого не приносят. Оно и понятно: кто в храмы ездить станет, коли на каждом перекрестке, мыске или у починка малого часовенка имеется? Зашел, помолился – душа и спокойна... Ну, за душу человеческую, которой нас Бог одарил!

Молодые люди чокнулись, Игорь опрокинул рюмашку и продолжил:

– Ну, в общем, запретили местным жителям часовни строить. Вроде как даже распоряжением самого митрополита Московского. Урядники всякие этот указ исполнять поторопились, часовни разбирать начали. Народ, понятное дело, возмутился: с какой стати их мест моленых лишают?! Но до бунта дело не дошло. Просто часовни стали не как церкви с

куполами и шатрами строить, а как избы простые. Пятистенник, крыша двускатная, сеновал, чердак, все честь по чести. Только над коньком на шесте высоком небольшая луковка с крестом поднималась, вот и все отличие. Приезжает урядник незаконную часовню сносить, а ему сход указывает: не часовня это, а дом летний для семьи молодой. Вот стол, вот полати, вот прялка стоит, вот сено для скотины. А что божница с иконами имеется – так где ее нет? В каждой избе в углу красном имеется. И молиться дома, хоть одному, хоть с соседями, никому не запрещается. Что тут сделаешь? Потопчется урядник, да и уедет несолоно хлебавши.

Игорь наполнил стопочки снова.

– В прошлом веке, понятно, смута случилась, и власть в России поменялась. Советы тут же начали с Богом бороться. Церкви, что большие и добротные, под склады, овощехранилища, мехучастки переделывать стали, а с часовен какой прок? Их комиссары просто ломать затеяли. Вот тут народ опять и возмутился: с какой стати? Не часовни это, а дома обычные, люди тут живут! Дальше все как с урядниками потянулось: вот стол, вот полати, вот сено. Живем мы здесь! С какой стати сносить? Почему крест на крыше? Раньше часовня была, а теперь под дом жилой переделана. Вот и торчит с прежних времен. Почему не спилен? Так если пилить, на крышу упадет, кровлю попортит. Зачем это нам надо? Вот так все это и тянулось с переменным успехом. Отдельно стоявшие часовни комиссары вроде как снесли, а об те, что бли-

же к селениям, огородам или укосам стояли, зубы-то пообломали. Отбили их деревенские у власти. Давайте... За родителей!

Олег согласно выпил, ожидая продолжения.

– Так и у нас вышло, в Подъельнике, – крикнув, указал в сторону дороги хозяин дома. – Часовня там стояла при деревне в три двора. Как укрупнение началось, семьи оттуда к мехбазе переселили, а часовню в райкоме снести постановили. Пока чесались да собирались, об этом в сельсовете узнали. Бабка моя, Аграфена, ее взяла да и выкупила. Местные подсобили: там на бревна раскатали, тут обратно сложили. Прямо к дому сруб приставили, а из еще одной сараюшки хлев за нею собрали. Всего в две ходки «зилка» с молочной фермы и управились. Городские приехали, а им кукиш: нет, мол, приговоренной часовни, уехала. Они, понятное дело, к бабке сунулись: дескать, под снос храмовое строение приговорено. А Аграфена плечами пожала: «Ничего не знаю. Хозяйственное строение. Купила, перевезла. Бумажки есть, все по закону. И креста спиливать не стану, на этом столбе кровельный брус крепится. Мало ли покосится, если укорачивать?» Так и послала лесом комиссаров, обломались они со своим атеизмом. Спасла бабка часовню.

– Так вы в ней живете или молитесь? – так и не поняв хитросплетения всех этих уверток Середин.

– Где части хозяйственные, там живем. А комната под крестом – она всегда молельной была, – ответил Игорь. –

Правда, в последние годы нужды такой уже нет, да и соседей, видите, не стало. Молодые разъехались, старики поумирали. Из всей деревни только мы с Ирочкой на отчей земле остались. Вот... К тому же, как советская власть посыпалась, запреты на христианство пропали, и каргопольские часовни опять тут и там появляться начали... – Игорь оживился, сел удобнее, поставив локти на стол. – И что вы думаете? Едва только люди о Боге вспомнили – тут как тут епископы примчались и опять запрет на строительство часовен наложили. То есть, по их мнению, где священника рукоположенного нет, там, стало быть, и храмов быть не должно, ни больших, ни маленьких. Спасибо хоть иконы не описали, с них станется... Но народ у нас тертый, опыт предков помнит. Все часовни наши теперь сразу как избы рубятся, и крест не на шатре, а на шесте поднимается. Ну и полиция нынешняя под церковь пока не прогнулась, урядники по деревням с тополами не ездят, сносить ничего не пытаются... Ну что, еще по одной?

– Игорь, стемнело, – положила руку ему на локоть жена. – Да и вставать завтра ни свет ни заря, ты за комбикормом хотел успеть.

– Так рано ж... – Хозяин выдернул из кармана телефон, глянул на экран. – Ух ты, уже? Как бежит время!

– Вот именно. – Жена поднялась, обратилась к Олегу: – Я убирать не буду. Вы сидите, кушайте. Пейте. Пульт от телевизора – под панелью. У нас спутниковая тарелка, сто два

канала. Отдыхайте. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, – приподнялся со своего места Середин, удивленный столь внезапной торопливостью хозяев.

– Надеюсь, завтра увидимся, – пожал ему руку Игорь и чмокнул Иру в щеку. – Спасибо, милая. Без тебя бы про все забыл.

Хозяева с неожиданной молниеносностью собрались, промчались к двери, переобулись и выскочили из комнаты. Не успел Олег толком выбраться из-за стола, чтобы их проводить, как в прихожей хлопнула дверь.

Оставшись в одиночестве, Середин удивленно хмыкнул, почесал в затылке. Потом налил себе еще рюмочку, выпил, сходил к телевизору за пультом, включил панель. Перелистал каналы, остановившись на историческом, вернулся к столу, положил себе на тарелку пару котлет и еще теплую картошку и стал наслаждаться вкусами, поглядывая на экран, на котором злые турки пытались взять штурмом Мальту. Османов показывали только на гравюрах – в чалмах, пухлых шароварах и с огромными ятаганами, а остров был современным, цветущим, солнечным и беззаботным.

Привязанный к запястью крестик начал греться, когда передача о средневековой войне сменилась рассказом о древнеегипетских кошках. Поначалу ведун даже не понял, в чем дело, – слишком уж он успел расслабиться в этом мире, отвыкнуть от существования магии и опасностей. Размотал повязку, взглянул на маленькое серебряное распятие, потрогал

пальцем. И лишь когда за спиной, со стороны двери, послышался низкий зловещий вой, словно там собрались вступить в драку дворовые коты, понимающе кивнул и стал приматывать оберег обратно.

Закрепив бинт, Середин полуобернулся, не вставая со стула, и увидел в двери трех бледных мужчин. Двое были в фуражках и зеленых френчах с выпирающими накладными карманами на груди и на боках под ремнями, опоясанных португезами с кобурами, а третий – в коричневом костюме и в кепке с помпоном. Все – гладко выбритые и примерно одного роста.

– Чего развылись-то? – спросил Олег. – Телевизора не слышно.

Гости опять недовольно заскулили, один из них расстегнул кобуру, уверенно достал наган, привязанный к поясу тонким черным ремешком, вскинул его, направив Середину точно в лоб, зло оскалился, нажал на спуск...

– Бах! – сказал ведун. – Ребята, а если я поступлю так же?

Он сгреб со стола солонку и взмахнул ею поперек, «выстреливая» тонкую белую струйку. Едва только крупинки коснулись тел крикливых гостей, как звук тут же оборвался, тела же мужчин стали рассеиваться легким дымком. Правда, ноги и головы, на которые соль не попала, остались целыми и невредимыми.

Потирая горячее запястье, Олег снова повернулся к телевизору. Все в порядке: освященный в православной церкви

христианский символ ощутил близость чуждой магии и попытался ее отторгнуть, уничтожить, прогнать. Однако крестик не обжигал – стало быть, и особой силы у подкравшегося колдовства не имелось. Да и не верил ведун в то, что в доме, пусть и сельском, в самом центре России мог внезапно появиться какой-нибудь грифон, василиск или неведомый злой чародей. Не те все-таки нынче времена.

Вой возник снова и усилился, обтекая его справа и слева. Гости окружали жертву, подкрадывались, готовились к нападению. Середин снова взял солонку, взвесил в руке. Даже не заговоренная, соль надежно разрушала любые астральные существа или останавливала получше каменной стены. Вот только усыпать ею всю гостиную было бы невежливо по отношению к здешним доброжелательным хозяевам. Придется терпеть...

Ведун вернул солонку на место, взялся за нож и вилку, продолжая ужин. На экране показывали пушистых и валяжных «персов», рассказывая историю породы, и Олегу было интересно – правда ли, что они не умеют умывать глаза?

Однако с разных сторон стола вдруг резко поднялась эфемерная троица. Теперь пистолеты были в руках у обоих военных, они отчаянно трясли стволами и жали на спусковые крючки, издавая истошные выкрики. Как начал догадываться ведун, это были призраки английских интервентов, наверняка шлепнутых в Гражданскую где-то под кустом без суда и следствия, без последнего слова и отпевания. И хорошо, ес-

ли потом закопанных. То есть мало того что характер дурной – так еще и языка русского не знают. И потому встреченным людям ничего ни сказать, ни написать не могут. Вот и воют в бессильной злобе.

Призрак в штатском внезапно сцапал бутылку и бросил Олегу в лицо. Середин от неожиданности вздрогнул и отклонился. Призраки обрадовались, стали хватать что ни попадя, тыкать в самые глаза, махать руками в попытке дать оплеуху. Это было, конечно, безопасно – но противно. Доев котлету, ведун налил себе из кувшина компот, выпил. Отнес тарелки в мойку, убрал остатки еды в холодильник, взял солонку и отправился наверх.

В спальне прошелся вокруг кровати, скупно, сберегая крупинки, сыпал на пол соль, нашептывая малый заговор на защиту от черного глаза, духа и мысли. Спокойно разделся, завалился на постель и включил большую панель. Передача о кошках еще не закончилась – но «сфинксы» ни малейшего восторга у ведуна не вызывали, так что он на время выключил звук и откинулся на спину. Начавшийся вскоре фильм о полигональной кладке майя оказался куда интереснее, особенно учитывая то, что с самого начала речь там повели о волшебной птичке, умеющей размягчать камни.

Призраки доползли сюда уже минут через десять, радостно кинулись к жертве – и красиво расплущились о заговоренную черту. Олег довольно ухмыльнулся и сделал звук телевизора погромче – хотя его заговор не пропускал не только

самых интервентов, но и издаваемые ими звуки. Однако радость ведуна оказалась преждевременной. Добраться до человека или напугать его воем англоязычные нежити не могли – однако своим мельтешением постоянно загораживали экран. Причем явно не сознательно – просто норовили бродить именно в той стороне комнаты, куда смотрел Середин, и если человек поворачивался – тут же перебежали. Возможно, телевизионную картинку они просто не различали.

«Жалко, никто физиологию духов нигде не изучает, – вздохнул Олег. – Можно было бы узнать много интересного. Хотя по большей части это просто козлы...»

Смирившись с тем, что посмотреть передачу ему все равно не дадут, он выключил свет и телевизор, забрался под одеяло и закрыл глаза.

Проснулся Середин от музыки. Поначалу подумал, что призракам все же удалось учинить какую-то пакость, но когда откинул одеяло, оказалось, что в спальне уже светло.

– С добрым утром, Олег, как спалось? – встретили его в гостиной завтракающие перед телевизором хозяева.

– Спасибо, о-отлично! – повел плечами Середин. – Чистый воздух и вкусный ужин кого угодно убаюкают.

– Все было хорошо? – с некоторым разочарованием спросил Игорь.

– Грех жаловаться – мягко, тепло, тихо. У вас прекрасный дом! Прямо зависть берет.

– Никто не мешал? – задала наводящий вопрос Ира.

– Вы про трех чубриков, похожих на шпионов из черно-белого детектива? Это вы из-за них, что ли, ночевать в старый дом уходите?

– А вы полагаете, кто-то способен спокойно уживаться рядом с ними?

– Нет, не полагаю, – покачал головой Олег. – Существа пакостные и навязчивые. Почему вы от них не избавитесь?

– Так это... – растерялся Игорь и потер ладонью бритую макушку. – Мы же Ливона Ратмировича об этом и просили. Разве он вам не говорил?

– Нет, не говорил... Но на него это похоже. Любит пошутить. Решил сделать сюрприз, – присаживаясь к столу, улыбнулся Олег. – Ладно, раз не нравится – уберем. Дело-то, в общем, несложное. Вы не знаете, у вас тут никаких захоронений поблизости нет?

– Никогда не слышал... – пожал плечами Игорь. – Но я могу у стариков поспрашивать.

– Не тратьте время. Это где-то году в восемнадцатом-двадцатом случилось. Вряд ли сейчас остался хоть кто-то, кто помнит, что и где происходило в те времена. Так поищу. Раз привязались именно к этому дому – значит, и лежат где-то поблизости. Похожу тут денек-другой кругами, вы не против?

– Нет, конечно... Только помочь не смогу. Комплекс большой, постоянно внимания требует.

– Ничего страшного. В моем ремесле как раз одиночество

и есть лучший помощник.

Свои поиски Олег начал с того, что просто обошел свиноферму. Так, для очистки совести. Мало ли порчу кто на хозяина навел? Но крест молчал, и он, свернув к лесочку, выбрал молодую иву, срезал с нее ветку с широкой рогулькой, очистил краешки от коры, зажал между ладонями и, слегка подерживая пальцами так, чтобы более толстый конец смотрел горизонтально вперед, пошел от крыльца вокруг дома, по спирали, с каждым витком отступая все дальше и дальше.

Спустя минут двадцать ведун уперся в забор, повернул вдоль него, змейкой обследовал пространство между складами с припасами и длинным желто-голубым строением из профнастила, возле которого гудели многотонные бункера, по трубам подающие хрюшкам то ли воду, то ли комбикорм, то ли еще что-то вкусное и полезное. В этот раз прогулка закончилась тем, что он уперся лозой прямо в живот начинающего фермера, который вышел из супертехнологичного свинарника с допотопным жестяным ведром и не менее древней совковой лопатой.

– Чего-нибудь нашли? – поинтересовался Игорь.

– Нет, – опустил Середин свой и вовсе доисторический инструмент. – Хотя, конечно, первой мыслью было то, что это вы своим строительством их растревожили. Однако, похоже, все дело в богобоязненности вашей бабушки.

– Она-то тут при чем?

– У вас в доме часовня, – напомнил Олег. – Маленькая

церковь. Освященная, намоленная. Очень может быть, что призраки тут уже полвека бродят. Просто раньше не могли к вам проникнуть. А новый дом оказался за пределами оберегаемой зоны. К тому же вы ведь не молитесь, службы не стоите, помощи от богов и святых не просите? Значит, часовня потихоньку теряет свои способности. Реликвии и храмы ведь не сами по себе силу имеют, они ее от людей получают. Веру и поклонение человеческое впитывают, а потом ими от низших и слабых духов, ровно мечом, обороняются. Где у вас раньше деревня стояла? Пойду там поброжу.

– Видите старую полусухую ель? – поднял руку Игорь. – Вот там и стояла. Из-за ели этой, кстати, и название деревни пошло: Подъельник. А что это у вас такое? Волшебная палочка?

– Почти, – улыбнулся Середин. – Лоза поисковая, стандартная, полуавтоматическая.

– Это как? – опустил ведро Игорь.

– Очень просто. Держите перед собой и ходите по интересующему вас району. В нужном месте конец лозы поднимается вверх.

– Сам?

– Сам, – кивнул ведун. – Я же говорю: полуавтоматическая. Чем хорошо лозоходство, так это тем, что не требует никаких заговоров, жертв или молитв. Вы просто думаете о том, что хотите отыскать, и с этой мыслью гуляете, держа ветку перед собой. Срабатывает она уже помимо вашего

сознательного желания. Главное – не зажимать, не мешать ей двигаться. Усилие на самом деле очень маленькое. Даже крохотное. Хотите попробовать?

– Э-э... – Фермер явно заинтересовался, но все-таки отогнал любопытство и поднял ведро. – В другой раз. Сейчас работы много.

– Смотрите, – не стал настаивать Середин. – Может пригодиться. Крепеж там потерявшийся найти или поросенка беглого.

– Олег, а почему она срабатывает? – не удержался от вопроса Игорь.

– Колдовство – не наука. Наука доискивается до причин, колдовство же просто ищет лучший способ использовать то, что накоплено опытом наблюдений.

– Разве можно добиться результата, не зная причин явления?

– Прямо и не знаю, что ответить... Причину прочности булата удалось раскрыть только в девятнадцатом веке, однако лучшие мечи ковали в одиннадцатом. Как действует лоза, никто не знает до сих пор, но по точности результатов она и сегодня научным методикам ничуть не уступает. Впрочем, христианством лозоходство запрещено, ибо вызывает к жизни древних хтонических¹ духов. Так что настаивать не стану.

¹ Хтонические (духи, существа, чудовища) – мифические порождения, олицетворяющие изначальную природную мощь земли и природы. (Здесь и далее – примечания автора.)

– Может, потом...

После секундной внутренней борьбы чувство долга в Игоре победило его же любопытство, и фермер быстрым шагом отправился к сараям.

Ведун тоже вернулся к своим обязанностям: вышел за ворота и, держа лозу перед собой, двинулся к старой ели. Конец ветки заколебался, подсказывая, что он выбрал верное направление.

Ель, закинувшая высоко в небо явно обгоревшую макушку, была окружена березовой и ольховой порослью, лишь кое-где прорезанной травяными линиями. Видимо, заросшими тропинками и дорогами. Всего три десятка лет назад здесь стояли дворы, но теперь, не зная, догадаться об этом было невозможно. По берегу неширокого озерца ведуну встретилось несколько лужков, земляничных полянок, молодых ольховых рощиц и тесных осинников, виднелась россыпь пологих травяных холмиков и песчаная колея, ведущая к золотистому пляжу.

На пляже лоза даже не шелохнулась. Середин свернул на луг, продираясь через высокую, по пояс, траву. Семейная пара косить ее, заготавливать сено даже не пыталась. У сельчанина-одиночки было слишком много хлопот с полутора тысячами свиней, чтобы размениваться на мелочи, а потому хрюшки ели все привозное и фабричное, спали на синтетике, грелись лампами – при том, что в двух шагах от супертехнологического комплекса буйствовала совершенно дикая,

нетронутая природа. Судя по паре лежек, тут даже кабаны успели завестись, подъедая то, чем стали брезговать люди, и осваивая ненужные более двуногим конкурентам просторы.

Конец ветки вдруг прыгнул вверх и тут же опустился. Ведун остановился, попятился. Лоза неуверенно шелохнулась. Олег вздохнул, повернул в густые ольховые заросли. Хорошо хоть молодые: деревья всего вдвое превышали его рост. Лоза в руках опять дернулась вверх-вниз, затихла, дернулась снова. Пришлось поворачивать, кружить, проламываясь через молодые побеги и протискиваясь между деревцами. Внезапно впереди открылась прогалина, где вместо деревьев зеленела густая осока. И хотя земля под ногами оставалась сухой, было件нятно, что это влажная низина, мини-болотце, которое по весне или в дождливую погоду наверняка хлюпает и чавкает и норовит засосать в себя сапоги попавшегося в ловушку прохожего. На поляне лоза дернулась вверх и замерла, словно стойкий оловянный солдатик.

– Опаньки! – Опустив инструмент, ведун пересек прогалину из края в край. – На кладбище не похоже...

На Руси в низинах и болотинах деревенские кладбища никогда не делали. Скорее, наоборот: искали места сухие и красивые – чтобы и поклониться предкам удобно было приходиться, и самому в свой срок лечь приятно. В низинах у деревень обычно устраивали помойки, чтобы половодья вычищали их по весне, унося мусор куда-нибудь подальше. Похоже, англичан прибили местные мужики и закопали в выгребной

яме с прочим мусором. Вполне естественное отношение к грабителям и насильникам, явившимся устанавливать свой порядок на русской земле.

«Красноармейцы так изощряться бы не стали, – решил Середин. – Шлепнуть бы, конечно, шлепнули, но закопали бы где придется, в грязи б не ковырялись».

С одной стороны, это было хорошо: лоза показала могилу точно не местного жителя, а ненавистного чужака. С другой – влажное, часто омываемое чистыми водами место было не так-то просто закрыть заклетами.

Осмотревшись еще раз, Олег вздохнул и пошел к хозяевам за топором...

В этот вечер за ужином обошлись без рюмок, тем более что разговор завязался интереснейший: о способах строительства крепостей в далеком перуанском прошлом. Ведун обмолвился, что не смог досмотреть вчера фильм. Стоило заикнуться – и понеслось... Разве может быть хоть что-то интереснее для русского крестьянина, нежели события тысячелетней давности на другой стороне земного шара? Игорь был уверен, что тут не обошлось без инопланетян, резавших камни лазером. Правда, способа вырезать прямым лучом криволинейные поверхности он предложить не смог. Ира пребывала в убеждении, что все это есть колдовство перебитых испанцами жрецов. Олег, куда лучше обоих знающий возможности чародейства, больше верил в примитивный ручной труд. Так, за спорами, под убаюкивающий своей нето-

ропливостью футбольный матч, что транслировался по спортивному каналу, они незаметно для себя и проскочили час первых сумерек.

Спор оборвался вместе с окончанием первого тайма, когда ведущая сообщила, что продолжение можно будет посмотреть в двадцать три часа десять минут.

– Господи, да ведь уже скоро полночь! – испуганно охнула женщина. – Игорь, там ночь на улице!

– А что, в полночь на улице что-то должно случиться? – поинтересовался Середин. – Тогда я с вами. Люблю экзотику!

– Нет, обычно все начинается сразу после заката, – посмотрел на жену Игорь.

– Перерывов не делают? – зевнул Олег.

– Вы их прогнали? – ответил вопросом на вопрос фермер.

– Еще нет. – Середин поднялся. – Только место вероятное нашел. Сейчас самый подходящий момент проверить, ошибся или нет. Так что я, с вашего позволения, отлучусь.

– С вами можно? – спросила Ира.

– Как хотите, – пожал плечами Олег. – Ничего опасного не предвидится. В худшем случае не будет вовсе ничего. Фонарики только захватите, а то как бы ноги в лесу не переломать.

Происшествий во время их прогулки действительно не случилось. По накатанной колее они дошли до пляжа, свернули в кустарник и вскоре остановились возле прогалины, на краю которой угрюмо покачивались, повиснув сантиметрах

в пяти над травой, три человеческие фигуры.

– Какие они усталые, – жалостливо вздохнула Ирина, остановившись шагах в двадцати. – Олег, а их можно чем-нибудь покормить?

– Мне снять защитное заклинание? – поинтересовался Середин.

– Нет! – чуть не взвизгнула, моментально передумав, женщина.

– Раз уж мы все равно пришли, – сказал ведун, – то смотрите, что нужно сделать. Я деревца и кусты вокруг ямы снес. Когда будете в городе, купите семена полыни, «божьего дерева». Это сорт такой. В принципе, можно любую, но эта все же селекционная, самая качественная. Ну, или по инету закажите, как вам удобнее. Посадите траву вокруг низины на расчищенное место. Вот в общем-то и все. Полынь сама по себе от всякой нежити хорошую защиту дает, без заговоров. Так что через нее не переберутся. Ну а когда разрастется, то и вовсе этих уродцев задавит. Но не тяните с этим, хорошо? Я покамест солью заговоренной вокруг посыпал, именно она призраков и не выпускает. Только ведь соль поначалу в землю-то впитается, так просто не уйдет, но потом ее все равно вымоет. Года через два сила заклинания пропадет начисто. Нужно, чтобы к этому времени полынь хорошенько разрослась.

Один из запертых в прогалине англичан достал пистолет, направил на ведуна.

– Бах! – сказал ему Середин и помахал рукой. – Пока, ребята. Больше не увидимся.

От гостеприимных фермеров Олег умчался на рассвете, а потому в клуб на Первомайской улице приехал еще до пяти, веселый и довольный. Заглянул в кабинет Ворона, громко постучал мотоциклетной каской о косяк.

– День добрый, Ливон Ратмирович! Спасибо за удовольствие. В кои веки ремесло свое вспомнил.

– Ты тут чего?! – едва не подавился пивом развалившийся в кресле учитель. – Ты же в Каргополье быть должен!

– С делом управился, вот и вернулся. – Середин вошел и уселся на стул перед столом основателя клуба. – А что?

– Когда же вы, отроки лупоглазые, мыслить научитесь, а не токмо ши по случаю хлебать?! – раздраженно сплюнул Ливон Ратмирович. – Я ведь тебя прятаться туда отправлял, а не пугало у болота изображать!

– А-а-а... – несколько растерялся Середин. – Я так подумал, призраков...

– Да еще сюда прискакал, ровно скоморох ярмарочный! Ты бы еще бубенчики себе на шапку прицепил!

– Ты про дочку миллионерскую? Учитель, ведь не посадят же они засаду возле клуба? – усмехнулся Олег. – Я как бы не глава мафии, чтобы все явки обкладывать!

Ливон Ратмирович мрачно промолчал, и Середин сразу стал серьезнее:

– Неужто посадили? Чертова девка! Она из-за своей тон-

ны золота готова весь свет на уши поставить.

– Повезло тебе, чадо. Еще один знакомый как раз сегодня совета у меня попросил. – Ворон дернул ящик стола, пошарил там, достал похожий на прежний сложенный вдвое клочок бумаги. – На, держи! Давай тикай скорее. Может, еще не заметили.

– Спасибо, учитель!

Не теряя время зря, молодой человек выскочил из кабинета, промчался через клуб, на ходу застегивая шлем, запрыгнул на еще горячий мотоцикл, пнул кикстартер и с места дал полный газ.

Новый адрес оказался в Тверской области, и Олег очень рассчитывал успеть туда еще до конца дня – но не тут-то было. По трассе до поворота на Рудаево он доехал успешно, свернул под знак, но через пару километров проселок неожиданно уперся в железную дорогу, перед которой вместо шлагбаума стояли два бетонных блока. Видимо, переезд закрыли, как нерегулируемый.

Для мотоциклиста ни блоки, ни рельсы препятствия не составляли – первые Олег просто объехал, через вторые мотоцикл перенес. Поставил боком возле рельсов, а потом руками: сперва заднее колесо переставил, потом переднее, подкатил «ижак» ко второму рельсу и повторил.

Однако дорога за старым переездом оказалась заброшенной и привела его в никуда – к старому разрушенному мосту через неведомую речушку. Правда, по дороге к реке Се-

редин миновал перекресток с грунтовой еще более унылого вида – но возвращаться к нему было поздно. На лес уже опускались сумерки, и он решил заночевать у реки – чтобы в итоге не застрять где-нибудь в совсем неудобном месте.

Банка консервов и щепоть чая с брусничным листом стали для него ужином, теплая и мелководная река – душем, песчаный мысок на излучине – постелью, а ветерок, обдувающий открытый мыс, – удобным фумигатором, ибо сдувал мошку и комаров и не давал никакого запаха.

Будильником оказался «КамАЗ» с брезентовым верхом, прикативший к разрушенному мосту еще в темноте. Громко фыркнул стояночный тормоз, перестал рычать дизель, хлопнули дверцы кабины, послышались громкие голоса. Олег приоткрыл глаз, глянул в сторону дороги, хорошо видимой с мыса через излучину, похвалил себя за то, что не оставил мотоцикл на проезжей части. В полудреме он даже порадовался появлению «камазистов». Через бетонные блоки у переезда они проехать не могли. Раз добрались – значит, дорога есть, утром можно будет выбраться без приключений.

Между тем прибывшие не пытались развернуться и уехать из тупика. Они гомонили на берегу, курили, громко смеялись, мешая спать. А спустя примерно полчаса послышался звук еще одного мотора, куда более тихого. Глухо хлопнули дверцы, потом еще одни. Середин снова приоткрыл глаз, любопытствуя, что же там происходит. А там, в свете фар, валялись на асфальте двое мужчин со связанными за спиной

руками, которых брезгливо попинывали собравшиеся парни.

«Что же это у меня за карма такая? – Олег расстегнул молнию мешка. – В какую глушь ни заберешься, обязательно найдется на мою голову дурная проблема...»

Он выполз из спального мешка и, не поднимаясь на ноги, по траве добрался до кустарника. Дабы не привлечь с рассветом внимания, подтянул к кустарнику сумку, мешок, каску, задвинул «ижака» дальше в ивовые заросли. Оставив возле него все, кроме ножа, Середин стал пробираться ближе к дороге.

– Не здесь! – явственно различил он громкий приказ. – Подальше в лес оттащите, чтобы потом не воняло.

Послышались смех, скулеж, треск веток. Всего в нескольких шагах от Олега двое крепких парней проволокли в темную чащу связанных мужчин в возрасте. Те часто спотыкались, падали – их поднимали за волосы, пинали ногами, подкалывали ножом, заставляя идти дальше. Вид у жертв был самый затрапезный: один в тренировочном костюме, другой в синих брюках из плащовки и в футболке. Парни смотрелись куда богаче: у одного золотая цепь на шее, другой в замшевых штанах и кроссовках с пьезокристаллом на пятке, моргающим при каждом шаге. Однако ведун не спешил с выводами, осторожно пробираясь следом. Мало ли, дальнобойщики рэкетиров поймали или фермеры – воров? Зачем тогда вмешиваться?

Хотя, конечно, странно, что преступников забивают не

всем миром, а просто послали двух молодых людей в лес покончить с жертвами. Какой из нормального человека палач? Убить беззащитного мало кому по силам. Обычно рука не поднимается.

Наконец мужчины остановились между двумя елями.

– Ну чё, здесь нормально будет? – спросил один из парней.

– Сойдет, – ответил второй и ударил идущего перед ним человека под колени, сбивая с ног.

Второй, отскочив, взмолился:

– Не убивайте! Не убивайте, пожалуйста! Все возьмите, все... У меня дети, не убивайте. Я вам еще денег привезу, у меня есть! Что я вам сделал? Отпустите, я никому ничего не скажу!

– Заткнись, лошара! – Парень с размаху ударил его ногой в пах. – Чё надо, мы и так возьмем, тебя не спросим.

Сделав естественные выводы, Середин быстро скользнул вперед, протянул руку с ножом над плечом парня, повернул лезвием к горлу, рванул к себе. Тот забулькал, вскинув руки, сделал пару шагов и упал. Второй палач, повернувшись, охнул и попятился:

– Ты кто? Откуда?

– Живу я здесь, – ответил Олег. – А вы каких будете?

– Бандиты они, – сказал с земли мужчина в тренировочном костюме. – Машину нашу на трассе тормознули. Жалко, спал я. Еще там бы из дробовика в харю встретил.

– А-а-а! – Парень вдруг ринулся вперед, выставив нож.

Ведун рубанул его по запястью, чтобы не поранил, сделал шаг вперед и резко наклонил голову, сильным ударом лба в нос ломая хрящи, чуть отступил и снизу вверх вогнал нож бандиту под подбородок.

– Спасибо, брат, – облегченно выдохнул водитель. – За кого Бога молить?

– За всех, кто в дозоре. На вахте, на гауптвахте... – Олег разрезал пластиковый хомут, который стягивал руки пленника за спиной, потом освободил второго, внезапно расплававшегося. – Вы, мужики, тут лучше побудьте, добро?

– Ловко ты их, брат... – Водитель потер запястья. – Бог даст, сочтемся.

– Да уж, резать глотки я умею, – согласился ведун. – Спасибо за комплимент.

Не убирая нож, он быстрым шагом вернулся на мысок, выдернул из сумки картонную коробку, все еще заменяющую ножны, поднял глаза к небу. Ползущие высоко в небесах перистые облака уже приобрели нарядный белый цвет, хотя те, что ниже, оставались серыми.

Вот и утро... Еще минут десять, и в лесу будет светло.

Поколебавшись, он все же снял пояс, спрятал нож под штанину, прихватив ножны к голени багажной резинкой, и отправился на дорогу.

У моста всюю шла работа: шестеро крепких ребят шустро перегружали стянутые скотчем белые коробки из малотоннажного фургончика «Мерседес» в кузов «КамАЗа». Еще

один грабитель наблюдал за этим, сложив руки на груди и прислонившись к капоту коричневого «Инфинити». Выйдя из леса, Олег громко хмыкнул и спросил:

– Ой, а чего это вы тут делаете, ребята?

«Ребята» остановились, уставившись на него с немым изумлением. После короткого замешательства самый низкий выдернул из-за спины пистолет.

– Нет, Рустам! – остановил его мужик от «Инфинити». – Шуметь не надо! Тихо придавите.

Рустам послушался, убрал ствол обратно, поманил Середина руками:

– Иди сюда... Иди сюда, баклан, не то хуже будет.

Олег отрицательно покачал головой и попятился на пару шагов. Грабители у машины переглянулись. Один, положив коробку, взял из кузова длинную и ржавую монтажную лопатку, еще двое нашарили в карманах ножи и медленно двинулись вперед, словно боялись спугнуть свою жертву. Середин выждал, пока они приблизятся почти на половину расстояния, и вдруг сорвался с места, кинувшись удирать.

– Стоять! Стой! – ломанулись следом разбойники.

Погоня длилась не дольше двух минут. Ведун выскочил на свой мысок, промчался мимо кустов с припасами и, замедлив шаг, остановился у среза воды. Медленно повернулся к преследователям. Выскочившие следом грабители остановились, довольно засмеялись.

– Ну что? Набегался, тушканчик? – Рустам, оглянувшись

на подельников, поинтересовался: – Тебя как – быстро зарезать, или желаешь помучиться?

– Лучше, конечно, помучиться, – процитировал классику Олег и нащупал пальцами в картонке оголовье меча.

– Тогда, пожалуй, ломиком тебе ноги переломаем, руки перебьем, – мечтательно пообещал Рустам, – и мордой в воде оставим, чтобы напоследок набулькался.

Бандит казался самым хлипким и единственным безоружным – но Середин не забывал о спрятанном у того за поясом пистолете. Начинать следовало именно с него.

– Тогда давайте приступим! – Ведун направился к нему и сдернул коробку с меча. Тут же рубанул Рустама поперек живота, а когда тот согнулся, сверху вниз развалил надвое голову.

– Э, ты чего?! – возмутились оставшиеся, попятились к кустам.

Олег в качестве ответа рубанул ближнего из-за головы. Тот, взвизгнув, закрылся руками – но острый как бритва клинок двойной закалки рассек их, не заметив препятствия. Второй попытался поймать сверкнувший меч на нож, и вполне успешно – но длинный клинок все равно дотянулся до его груди. Ведун лишь чуть-чуть толкнул меч вперед, чтобы проколоть сердце. Третий, пользуясь моментом, попытался огреть Олега монтажкой по голове, но ведун успел качнуться вперед, а когда железка ушла за спину – развернулся, вскидывая клинок, и глубоко прорубил ему спину поперек ребер.

– Класс! – Он отошел, пару раз провернул клинок в воздухе. Меч получился устойчивым и послушным, не уходил с линии удара при парировании, не наклонялся в теле. – Ради такого меча стоило постараться.

Вытерев клинок от крови, ведун вдоль реки быстро вернулся к дороге, за сваями обошел машины, пробрался лесом и вышел к «Инфинити» за спиной ее владельца. Один взмах – и голова атамана покатилась по капоту. Бедолага, наверное, и понять ничего не успел. Душа уже вспорхнула в иной мир, а пальцы еще несколько секунд пересчитывали деньги из толстой пачки. Если, конечно, у бандитов существует душа.

Еще двое парней между тем продолжали перегрузку: один забрался в кузов и подносил коробки на край, второй перетаскивал их в «КамАЗ». Увидев Середина, оба замерли. Олег рванулся вперед. Второй, бросив последнюю упаковку, ринулся бежать, но, едва достигнув леса, споткнулся о корень, растянулся, вскочил – тут меч и чиркнул его поперек спины.

Тратить время на добивание ведун не стал, развернулся, выбежал на дорогу. Остановился, прислушался. Кинулся на раздавшийся в лесу за дорогой треск, быстро сменившийся плеском. К тому времени, когда Середин выскочил на берег, грабитель уже выбирался из реки на противоположную сторону – весь в тине и водорослях. Не оглядываясь, он сразу улепетнул дальше в лес. Ведун поднял клинок и раздраженно сплюнул:

– Ушел!

Бандит рассчитал правильно – лезть в реку, а потом грязному и мокрому гоняться за кем-то по незнакомой чаще Середину не улыбалось. А раздеваться, переплывать в чистом месте, снова одеваться – это время. Достаточно, чтобы унести ноги или спрятаться в какой-нибудь яме, на дереве или в кустах.

– Ладно, будем считать, что судьба. Авось поумнеешь, – сказал ему вслед ведун. – Душегубы живут красиво, но недолго. От петли на осине еще никто из них не уходил.

Покончив с бандой, он отправился в лес, но водителей на прежнем месте не нашел. Похоже, они предпочли не дожидаться развязки и ушли подальше от опасного места. Олег только руками развел:

– Ну и у кого теперь дорогу спрашивать? Вот нечистая сила!

Вернувшись к себе на мысок, ведун собрал вещи, завел мотоцикл, выкатил на дорогу, не торопясь доехал до перекрестка, который миновал вчера без интереса, и наобум повернул налево. Грунтовка, попетляв километров десять по лесу, вывела его на узкую, но зато прямую и асфальтированную дорогу, что прорезала засеянные рожью поля. Повторно выбрав левый поворот, Середин дал газу и уже через десять минут затормозил в Осиновой Гряде. На местной автобусной остановке ему подсказали, что он почти добрался до цели: Рудаево было всего в пятнадцати километрах. Правда, ехать нужно с несколькими поворотами с дороги на дорогу.

Дальше все было уже просто. В Рудаево стоял указатель на Гнездцы, перед поворотом в деревню вправо отходила одна-единственная грунтовка. Как и было указано в записке, она по короткому бетонному мосту пересекала реку и уходила влево. Последние четыре километра – и Середин наконец увидел впереди на взгорке кирпичный дом с несколькими декоративными башенками, придающими ему сходство с замком.

Вблизи сходство со средневековым укреплением только усилилось. «Замок» окружало «предполье» в виде трехметровой стены с самыми настоящими стрельчатыми бойницами. Причем вертикальными – для лучников. На углах имелись зубчатые башенки – маленькие, никому крупнее гнома в них не поместиться, – поверх стены тянулись железные кованые шипы с завитками – вполне настоящие и довольно дорогие. Уж Олег-то знал, сколько нужно сил на изготовление каждого. Ворота тоже были замковыми, из толстого обожженного бруса, окованные железными полосами и с окошком для привратника.

Пока Середин размышлял, что лучше: побибикать или постучать, – ворота вдруг захрипели и спросили человеческим голосом:

– Вы кого-то ищете, молодой человек?

– Имя «Ливон Ратмирович» вам о чем-нибудь говорит? – громко поинтересовался ведун.

Ворота подумали и отворились, пропустив гостя на мо-

ценную гранитным булыжником дорожку, проложенную между зарослями плетистых алых роз. По этому живому коридору Олег доехал до крыльца и уже ничуть не удивился шершавым базальтовым ступеням, ведущим к резным деревянным дверям. Пока Середин ставил мотоцикл на подножку и снимал шлем, дверь приоткрылась, из дома выбрался невысокий мужичок с лысиной на большую часть головы, в грязной футболке и комбезе на лямочках. На ходу вытирая руки тряпкой, он спустился навстречу, протянул ладонь:

– Наконец-то, Ливон Ратмирович! Я уже измучился тут совсем. Прямо хоть из дома беги!

– Я не он, – поправил мужчину Олег, – я его ученик. Он уверен, что я справлюсь. А вы...

– Простите, не представился... Юронов Сергей Викторович. Вот, смог себе перед выходом на пенсию последний приют построить, – развел руками мужичок. – Мечтал встретить старость в собственном саду, на берегу тихой русской реки, под синим небом. И нате вам, какая гадость получилась!

– Неплохой «приютик». – Середин демонстративно огляделся.

– Ну да, нищим прикидываться не стану, – кивнул Сергей Викторович. – Так получилось, что ковыряться люблю в земле, цветы выращивать, деревья. А выходит лучше всего бухгалтерия с дебитами-кредитами и балансовыми отчетами. Так что просидел я всю жизнь за финансами. При этом мечтая проснуться простым садовником в каком-нибудь замке.

– Только не говорите мне, что вы не нашли работы садовника!

– Даже не искал. От зарплаты, которую мне платили, отказаться оказалось труднее, нежели от мечты. Замок своей мечты мне пришлось просто купить... Но вы проходите, чего мы на улице застряли? – Хозяин дома первым пошел вверх по ступеням. – Я как раз завтракать собирался. Как вы относитесь к консервам? Понимаете, прислуга вся разбежалась, жена уехала... Кроме консервов, ничего на кухне нет.

Середин с трудом удержался от ехидства по поводу тяжелой доли несчастного замкового садовника, покинутого дворецкими, постельничими и поварами. Все же человек перед ним был пожилой и действительно страдал из-за свалившихся на голову неприятностей.

Пол в «замке» оказался кафельный, хотя и имитировал гранит. И стены – такие же. Это еще больше смягчило отношение ведуна к хозяину. Мультимиллионером тот, конечно, не был. От силы – просто миллионером. И картины на стенах висели скорее всего не с аукциона «Сотби», а из антикварной лавки, а то и просто с лотка уличного художника.

– Кухня в дальнем крыле, – указал дальше по коридору Сергей Викторович. – Когда строили, попросил, чтобы окна столовой на реку выходили. Очень красивое там место, вам понравится.

– Минуту...

Ведун повел носом, свернул влево, дошел до лестницы из

мореного дуба, поднялся на второй этаж и остановился перед комнатой, весь пол которой был усыпан головками чеснока. На стенах висели чесночные косички, с люстры свешивался чеснок. И, само собой, здесь присутствовали распятия всех возможных форм и размеров. Олег даже восхитился:

– Ква! А просто дверь закрывать не пробовали?

– Пробовал, – ответил от лестницы Сергей Викторович. – То есть всегда закрываю. Он стоит снаружи и скребется. Потом уходит. Потом опять возвращается. Мне кажется, он совсем этого не боится... Я пробовал класть чеснок в других местах дома, выставял распятия. Но он перешагивает луковицы и не обращает внимания на кресты!

– А почему вы решили, что он должен бояться всего этого винегрета?

– Даже и не знаю... В кино-то всегда помогает...

– В кино показывают, как люди от взрывной волны ножами убегают и с самолета в воду ныряют. Вы хотя бы этого повторять не пробуйте. Это же упырь! Они кино не смотрят и запахов не чувствуют.

– Что же тогда делать?

– Что-нибудь придумаем... – Олег закрыл дверь в хозяйскую комнату и спустился вниз. – На самом деле я бы не отказался выпить чего-нибудь горяченького. В смысле чай или кофе. Меня сегодня рано разбудили и заставили заниматься физкультурой.

– Есть кофе с ветчиной! – обрадовался пенсионер. – Ко-

фемашина сама делает, в ней зерна еще с полкило осталось. А ветчина импортная, с открывающейся крышкой.

Из окна «замковой» столовой вид открывался и вправду великолепный. Сразу от стен начинался просторный цветущий луг, полого уходящий вниз до сверкающей на солнце извилистой ленты реки. Дальше стояла бело-зеленая березовая роща, мерцающая множеством мелких трясущихся листочков. То и дело небо пересекали стремительные ласточки и стрижи, над травой взлетали и падали кузнечики, неторопливо барражировали стрекозы, порхали разноцветные бабочки.

– Красота, – искренне восхитился Середин.

– А то! – согласился Сергей Викторович. – Я как увидел, так сердце сразу и екнуло. Никакой Франции не надо. Да и цена оказалась... сильно не Рублевка. За такие деньги только в Испании или Псковской области хороший участок купить можно. А тут – всего два часа от Москвы!

– Потому и дешево... – начал было ведун, но тут над лугом завис бело-красный легкий вертолет, похожий на двухместный «Робинсон», немного покачался, как бы раздумывая, и плавно опустился в густую луговую красоту. Лопастей еще не успели остановиться, когда из него выпрыгнула грудастая девица в красно-белом глянцево-комбезе и, пригнувшись, побежала к воротам. – Это еще что за электрическая сила? Вы кого-нибудь ждете, Сергей Викторович?

– Нет, не жду. К тому же мои знакомые обычно на верто-

летах в гости не ездят.

– Значит, ко мне, – сделал вывод Олег. – Ворон был прав. Пока я с ним болтал, кто-то, похоже, прилепил мне на мотоцикл радиомаячок.

– Доброго вам дня, хозяева! – раздался в кармане пенсионера знакомый голос. – Я так вижу, мой жених Олег Середин к вам погостевать заехал? Пустите обнять желанного! А то так соскучилась, мочи просто нет.

– Опаньки! Она теперь еще и моя невеста! – восхитился Олег. – Кто бы мог подумать?

– Мы в столовой, – достав из спецовки рацию, сказал Сергей Викторович. – Входите в двери дома и идите по коридору до конца. Я пока еще один прибор приготавлию.

Роксалане прибор не потребовался. Влетев в столовую, она тут же повисла на шее вставшего навстречу Олега и покрыла его лицо морем горячих поцелуев.

– Вернулся милый мой! Нашелся мой хороший! Ты снова здесь! Ты даже не представляешь, как я волновалась. И дед этот твой, как мы в Муроме оказались, головой покрутил, да и пропал, даже не мяукнул. Что, как, к чему, не понять!

Она была уже такой же, как во время их первой встречи: розовощекой и беззаботной, вкусно пахнущей. Вот только волосы были не серыми, а черными, словно дорожный битум, и глаза остались заколдованными: один синий, а другой зеленый.

– Мое имя Сергей Викторович, – попытался обратить на

себя внимание пенсионер. – Вам сделать чай или кофе?

– А ты вроде как похудел, Олежка! – Девушка, наконец-то отступив, растрепала Середину волосы. – Нешто ты от походов и приключений вес набираешь? Обычно у всех наоборот получается.

– Никто не кормит, – попытался отшутиться, усаживаясь на стул, ведун. – А самому лениво.

– Так ко мне ехать нужно было, как вернулся, – Роксалана моментально примостилась у него на коленях. – Я бы тебя откормила. И за минувшие походы, и на будущие.

– Я, пожалуй, пойду, – тактично скрыл свою обиду Сергей Викторович. – Вижу, вам нужно поговорить.

– Ну, рассказывай, ты как?! – потребовала Роксалана. – Чего делаешь, от кого прячешься, на кого охоту ведешь?

– Сезон окончен. – Середин похлопал ее по колену. – Братьев удалось нейтрализовать, больше не колдуют. Так что опасаться теперь некого. А как ты? Как отец на твое приключение отреагировал?

– Что я, совсем блондинка, правду ему рассказывать? – рассмеялась девушка. – Меня после этого моментом бы в «дурку» упекли! А папа держал бы за руку, гладил по голове и утешал, что быстро вылечат. Не-е, я сказала, что мы клад большой нашли и от уголовников прятались. Пришлось домой через Индию и Казахстан пробираться. Обещала тонну золота привезти, когда шум утихнет. Ты, кстати, не забыл, что у нас на Урале тайничок совместный остался? Там, на

глазок, столько «аурума» брошено, сколько у какой-нибудь чахлой Канады отродясь в золотом запасе не числилось! Ты заметь, я без тебя не брала! Хочу все по чести и совести, пятьдесят на пятьдесят разделить. Минус расходы, конечно же...

– Да ладно, бери, – разрешил Середин.

– А место покажешь? – Роксалана взяла его лицо в ладони.

– Да там же и лежит, где оставили. – Олег взял ее руки за запястья и развел их в стороны.

– Ну ладно, ладно, раскусил! – с легкостью смирилась она. – Не нашла я того места, где мы с демонами сражались. Оба, заметь, сражались! Так что половина золота моя по полному праву!

Олег ощутил, как привязанный к запястью крестик начал нагреваться, но оглядеться не мог – Роксалана вцепилась в него, словно клещ.

– Ты помнишь, как мы их заловили?! Вот это было да! Как вспоминаю – холодок по коже. Меня тут потусоваться на горные лыжи зазвали, так у меня от их трамплинов и бобслеев адреналина не больше, чем перед телевизором с папой посидеть. Вот когда крепость брали или лаву джунгарскую луками встречали – вот это была жизнь! А здесь одно прозябание, как у рыбки в аквариуме. Давай золото с Урала вывезем и еще... А-а-а-а!!! – вдруг заорала девушка, шарахнулась назад, забыв, что сидит, опрокинулась на спину и отползла, указывая вперед пальцем и громко сипя, не в силах

произнести ничего внятного.

Теперь Олег наконец-то смог оглянуться и в двух шагах увидел здешнего упыря. Тот умер, похоже, года два назад и успел сильно погнить. Половина лица сползла, превратившись в слизь, другая почернела и раздулась от трупных газов, кожа на теле висела лохмотьями, сквозь коричневое мясо проглядывали ребра, руки и ноги находились примерно в таком же состоянии.

– Фу, какая гадость... – У Середина моментально пропал аппетит. – Немудрено, что у хозяина все жены и слуги разбежались. Странно, что сам не удрал.

Ведун поднялся, по-быстрому отошел, прихватив со стола чашку, повернулся к чудовищу спиной и допил кофе. Оглянулся через плечо. Упырь, покачавшись, двинулся следом. Олег отступил, подождал, отступил снова, подождал, отступил, потом быстро вернулся к столу, забрал банку и вилку, широким шагом промчался по коридору, выскочил на свет и только тут, усевшись на ступени, продолжил завтрак.

– Меня сейчас вырвет, – призналась выбежавшая следом Роксалана и метнулась к зарослям роз.

Олег Середин ее чувства полностью разделял, но был слишком голоден для столь категоричного выражения брезгливости.

К счастью, упырь выбрался из дома только после того, как ведун уже опустошил банку. Спустился по каменным ступеням с легким влажным причмокиванием, остановился ря-

дом. Девушка издала утробный звук и забилась глубже в розы, не замечая шипов. Олег вздохнул, поставил ненужную больше жестянку к ногам нежити и отправился искать хозяйина.

Сергей Викторович обнаружился в уголке сада. Он старательно перекапывал землю под прислоненной к стене деревянной решеткой, выкрашенной в зеленый цвет.

– Хмель сажать собираетесь? – поинтересовался Середин.

– Как вы догадались? – Пенсионер, выпрямившись, отставил лопату.

– Вообще-то наугад сказал, – усмехнулся ведун. – Чего еще обычно сажают у шпалеры? Хмель, клематис, виноград... У вас не найдется большого куска брезента? Или, на худой конец, старой простыни? Только прочной, хлопковой, а не шелковой или атласной. Ну или хотя бы большой занавески, которую не жалко?

– Простыни есть. – Сергей Викторович воткнул лопату в землю. – Сейчас принесу.

– И скотч! – крикнул ему вслед Олег.

Упырь, как это с ними обычно и бывает, бродить никуда не отправился. Как остановился на ступенях, так и стоял возле консервной банки, мерно покачиваясь и почему-то сложив на груди руки. Получив простыню, ведун воспользовался ситуацией, накинул тряпку мертвецу на голову, одернув до ног, крепко стянул ее возле колен, потом обмотал туловище на уровне локтей и, наконец, не жалея скотча, по спирали

закрутил нежить сверху донизу и снизу вверх.

Его жертва перенесла процедуру с полным безразличием – как стояла, так стоять и осталась.

– И что теперь? – спросил пенсионер.

– В деревнях в таких случаях упыря обычно закапывают лицом вниз и для страховки осиновыми кольями прибивают, – ответил Олег. – Но они нередко все равно вылезают и возвращаются.

– О Господи, – перекрестился Сергей Викторович. – И часто такое случается?

– Я только про пять похожих случаев слышал, – пожал плечами Середин. – А своими глазами и вовсе только трех упырей видел. В смысле этот третий.

– Откуда же они берутся?

– По слухам, это колдуны. Вы, наверное, слышали, что они не умирают, если не смогли никому передать свою чародейскую силу? Вот так и бродят, как этот. Внутри уже мертвые, но покоя все равно не получившие. Правда, никто из известных мне упырей при жизни в колдовстве замечен не был. Но с другой стороны, может, они втихаря магией увлекались? Ну или имели дар, о котором сами не знали.

Роксалана, ругаясь, выбралась из розария на дорожку, принялась отряхивать свой комбинезон, заметно утративший первоначальный лоск.

– Вот зараза! Ты не говорил, что тут такие твари ползают!

– Так ты не спрашивала, – не удержался от ухмылки Олег.

– Подождите, – коснулся его плеча Сергей Викторович. – Разве они кровь не пьют?

– Не, – мотнул головой Олег. – Совершенно безобидные существа. Обычно просто приходят домой и сидят на лавочке или ступенях, пытаются внутрь войти. Но если прогнать, то уходят, снаружи торчат. Ваш таким непоседой оказался потому, что вы его дом снесли. Пришел – а знакомых мест найти не может. Вот и бродит по замку, мучается.

– Если они безобидные, то откуда все эти рассказы про то, что кровь пьют, убивают, по ночам к постелям подкрадываются?

– Как сказать? – хмыкнул Середин. – Этот тоже вам ничего плохого не сотворил. Ну и как, много удовольствия получили? Вот потому гадости всякие про них и сказывают. Мертвец рядом с домом никому не в радость. Особенно если это дед, отец, брат... Тут уж крестьянину вообще непонятно, чего делать. И терпеть рядом мука, и калечить рука не подымается. Да еще никто толком понять не может, как эта нежить из земли вылезает и сквозь заборы пробирается. Если пол в избе земляной, то упырь и сквозь стену проникнуть способен.

– Фу, какая гадость! – скривилась Роксалана. – Как же от него избавиться?

– Сжечь. Или порубить на куски. Или порубить и сжечь. Или порубить и закопать.

– Живьем сжечь? – сглотнул Сергей Викторович.

– Он мертвый. – Ведун кивнул на замотанный скотчем тук. – Это же упырь. Он еще года два назад умер, отпет и похоронен.

– Но ведь он ходит...

– Так ведь это упырь, – терпеливо объяснил Олег. – Он шевелиться будет, пока полностью не сгниет. Даже если ему и голову, и руки с ногами отрубить. Таким закапывать и придется.

– Вы это... – Сергей Викторович булькающе закашлялся и вскинул ладонь ко рту. – Поступайте, как считаете нужным.

Свободной рукой он еще несколько раз разрешающе взмахнул и заторопился в угол, к новой шпалере.

– В общем, заканчивай здесь, – отступила и Роксалана. – Я «вертушку» на фазенду отгоню, потом приеду. Ага?

И девушка так же быстро, как хозяин дома, рванула к воротам.

– Нормально... – развел руками Середин. – Значит, как о красотах земли русской или о приключениях поговорить, так все всегда пожалуйста. А как упырей или уголовников каких ради этой земли разделить, так: «Ты, Олежка, сам грязным делом занимайся, а мы пошли». Какие же вы все, добры люди, молодцы! Сергей Викторович! Инструменты хотя бы дайте!

Повозиться с этим крайне неприятным делом Середину пришлось изрядно. И в лес подальше забраться, и лопатой поработать, и попачкаться. Так что вечером он сперва долго

отмывался, а потом истребовал с хозяина водки, и они вдвоем изрядно тяпнули, обмывая удачное завершение напасти.

– Он ведь точно больше не вернется? – раз пять спросил Сергей Викторович, наливая стопку за стопкой.

– Да точно, точно, хозяин, – кивал в ответ ведун, опрокидывая водку в рот и нервно поеживаясь. – Живите спокойно, ни о чем не беспокойтесь. В наше время такие напасти раз в сто лет случаются. Вы свое пережили с избытком, в жизни больше ничего подобного не встретите...

В столовой, за столом, богато накрытым банками с лососем, ветчиной, сайрой, маринованными огурцами и кроваво-вязким лечо, было сумрачно, но уютно. В окне, далеко-далеко в бархатистой мгле, у самого горизонта, светились огоньки, которые при желании можно было принять за светлячков. Хотя на самом деле скорее всего там была железнодорожная станция, подсвеченная прожекторами на вышках. На стене застенчиво мурмулила жидкокристаллическая панель метра полтора в ширину. Олег бы и вовсе не обращал на нее внимания, если бы вдруг не увидел знакомый грузовичок с белым кузовом и «КамАЗ» с брезентовым верхом.

– Погромче, погромче сделайте!!! – встрепенулся он.

Сергей Викторович поднял пульт, даванул на кнопку, и помещение наполнилось восторженно захлебывающимся голосом молодой дикторши:

– ...ревозила планшетные компьютеры. Однако сотрудникам полиции удалось предотвратить преступление. При по-

пытке задержания бандиты оказали активное сопротивление и были уничтожены.

– Отлично, – довольно закинул руки за голову ведун. – Значит, в этом деле я в подозреваемые не попал.

– И в заключение выпуска расскажу о невероятном происшествии, случившемся в районе села Медное Тверской области. – На экране вместо грузовиков возник пожилой мужчина с тщательно зачесанными седыми волосами, в костюме и при галстуке. – Причиной гибели сотрудников Килицкого механического завода, случившейся на берегу реки Роськи, единственный выживший охотник назвал появление лесной ведьмы в образе одноногой девочки...

На экране появился остролицый усач с испуганно выпученными глазами и встопорщенными волосами. Он что-то говорил, но диктор предпочел заглушить речь несчастного своими словами:

– Как пояснили нам в отделении внутренних дел, никаких следов борьбы на телах погибших не обнаружено. Один из них утонул, второй найден упавшим на сук поваленной сосны. По всей видимости, речь идет о двойном несчастном случае. Разгадкой же появления в наших краях мифической ведьмы и гибели двух прекрасных людей скорее всего служит уровень содержания алкоголя в крови всех троих охотников. По словам сотрудников полиции, они успели выпить не меньше бутылки водки каждый. Поэтому мой совет вам, дорогие телезрители: не пейте! Воздержитесь от алкоголя, и

я вас уверяю: вы проживете долгую и счастливую жизнь, не встретив на своем пути ни единой ведьмы! Спокойной вам ночи!

– Так я тебе и поверил, – хмыкнул Середин, но рюмку поставил обратно на стол. – Сергей Викторович, а река Роська далеко отсюда?

– Я же не здешний, Олег, – развел руками пенсионер. – Я тут дачник, к тому же новосел.

– Хорошо. А село Медное где?

– Тут километров тридцать. Если отсюда ехать, то не нужно на объездную поворачивать. Как раз по прямой туда и попадете... Скажите, Олег, сколько я вам должен?

– За что?

– Ну как... – опять потянулся к бутылке Сергей Викторович. – За избавление...

– Ничего, – помотал головой Середин. – Колдун, который берет плату за свои чары, теряет силу. Говорят, боги одарили нас магическими возможностями, чтобы мы очищали землю от всякой потусторонней гадости и защищали людей от зла. И они гневаятся, если чародей превращает колдовство в заработок. Правда это или очередное поверье, неизвестно. Может быть, выполняя заговоры на заказ, перестаешь вкладывать в них душу? Ведь сила, как ни крути, не в словах, а в самом маге. Ремесло – это одно. Душа – другое. В общем, факт есть факт. Колдуны, берущие плату, теряют силу. Увы...

– Как же вы живете? – удивился пенсионер. – Нет, я по-

нял, что дело свое вы исполняете чисто из внутренней потребности, не по договору. Но ведь кушать вам тоже нужно? Бензин, вон, покупать, одежду менять.

– Многие люди, которых мы выручаем, сами нам тоже помогают. Кормят, подарки приносят. Этим и спасаемся, – ответил Олег. – Добровольные подарки – это не плата. Ведь дело ты свое делаешь не ради них. Упыря нужно успокоить независимо от того, узнает об этом хоть кто-нибудь вообще или нет. Или, вон, ведьму эту, – указал он на экран. – В лесу, не в лесу – а землю избавить от нее нужно. Чтобы никто больше не пострадал. Для того меня боги даром и наградили, чтобы искал и истреблял, а не полтинники сшибал у прохожих... В общем, подарки брать можно. – Середин подумал, тряхнул головой: – Так, мне больше не наливать. Уже развезло. А мне завтра за руль. Нужно успеть протрезветь.

– Не успеете, – покачал головой пенсионер. – Мы уже литр на двоих приняли. Как те охотники.

– Обижаете, Сергей Викторович, я же колдун, – подмигнул ему Середин. – Чайная ложка тертого угля из ореховой скорлупы, два заговора и восемь часов сна. И утром можете лично проверить меня алкотестером, кристальную трезвость гарантирую.

– Какой смысл пить, если потом трезветь?

– Чтобы побеседовать с хорошим человеком, – пожал плечами Олег. – Чтобы руки перестали казаться грязными. И чтобы заснуть мгновенно, когда мы разойдемся.

– Тогда, может, еще по одной?

– Ну, разве только по одной! – после короткого колебания согласился Середин. – И вы расскажете, как всего за один год смогли вырастить такие высокие и пышные розы.

– За два, – поправил его хозяин. – Но это все равно было очень непросто. Тут самая основа в корнях, от сильного корневища стебли всего за год на высоту человеческого роста вымахать способны...

Заговорив на любимую тему, Сергей Викторович мгновенно забыл и об упырях, и о колдовстве, и о наградах, рассказывая во всех подробностях, как, во что и когда нужно сажать, с чем мириться, а чего не жалеть. Олег слушал его, кивал и постепенно остывал от напряжения долгого и трудного дня...

Лесная фурия

Найти выжившего охотника труда не составило. Село Медное оказалось небольшим, и отыскать в нем двухэтажное здание из белого силикатного кирпича с вывеской «Килицкий МЗ» было несложно. Внешность героя репортажа Олег тоже запомнил. Так что, припарковавшись у проходной перед окончанием рабочего дня, просто набрался терпения и, поглядывая на синюю железную дверь, занялся поисками маячка на своем мотоцикле.

Тот обнаружился довольно быстро – пятирублевая монета, втиснутая в щель между баком и сидушкой. Не зная Олег, чем он является, – просто кинул бы в кошелек к прочей мелочи. Однако при внимательном рассмотрении ребро «пятяка» оказалось подозрительно неровным, а на вес он был заметно легче настоящего. Свою находку Середин щедро забросил в кузов фуры с карельскими номерами, стоявшей возле кафе немного дальше по улице. А когда та тронулась в путь, из проходной наконец-то вышел долгожданный охотник.

Олег проводил его до многоквартирного дома на соседней улице и следом за мужчиной зашел в подъезд, чтобы узнать, в какую из дверей тот зайдет. Вернулся за мотоциклом, подъехал к стене с обратной от нужных окон стороны, оставил на руле шлем и прихватил с собой из сумки туесок с пла-

кун-травой.

Село жило своей жизнью: дети качались на качелях, две бабульки что-то обсуждали на лавочке, угрюмая женщина в платке спешила по тихой улочке, удерживая в полусогнутой руке пакет с призывно подмигивающей губастой Мэрилин Монро. Старенький мотоцикл и его наездник никого не заинтересовали.

«Оно и проще», – подумал ведун.

Он неторопливо обогнул здание, вошел, поднялся на второй этаж, вытряхнул сушеные листья плакун-травы на ладонь, растер между пальцами, присел на корточки перед дверью и осторожно вдул ее в замочную скважину.

– Ты, трава трав, лети по свету, крутись по небу, ложись на воду, ложись на землю, накрывай людей смертных, залетай в их глаза, навей на них слезы. Пусть те слезы глаза застилают, мир земной закрывают, от меня взгляд отводят...

Закончив наговор, Олег взмахнул рукой, развевая остатки пыли по площадке, и вдавил кнопку дверного звонка.

Дверь открыла молодая женщина, очаровательная в своей розовощекой полноте, с весомой грудью, широкими бедрами и едва скрытыми халатиком без рукавов мягкими плечами. Удивленно глянув прямо в лицо Середину, она пару раз моргнула, вышла на лестницу, посмотрела вниз.

– Кто там? – громко спросили из квартиры.

– Никого, Саш, – ответила женщина в то время, как ведун проскальзывал в распахнутую дверь. – Балуете кто-то.

Хозяйка вернулась, закрыла дверь на замок. Олег посторонился, пропуская ее на кухню. Из-под вешалки, выгнув спину, на ведуна зашипел полосатый кот цвета половой тряпки.

– Ты чего, Мурзик? – удивилась толстушка, вернулась и взяла его на руки, погладила, унесла на кухню.

Котяра, через плечо женщины глянув на Олега, еще раз зашипел, но очень скоро хозяйка успокоила его кусочком колбасы. Глава семьи тоже уплетал за обе щеки густой, как пюре, грибной суп и разве что не чавкал от удовольствия. Решив им не мешать, ведун свернул в комнату, прошелся по ней.

Жила семья, сразу было видно, небогато, особой роскоши вроде плазменных панелей или дизайнерской мебели не наблюдалось. Все просто и практично: диван, большой телевизор с кинескопом, ковер на полу, зеркальная горка с хрусталем и вышитыми салфеточками, шкаф, заставленные книгами полки, письменный стол с потертым монитором, обложенным учебниками. Значит, дети в семье тоже имеются.

Олег остановился возле журнала, раскрытого на статье «Черная смерть бродит возле Твери», наклонился, пробежал текст глазами. Там говорилось, что за последние тридцать лет в лесах возле реки Роськи исчезло больше ста пятидесяти человек. По пять человек в год. На цветных иллюстрациях, помимо фотографий непонятных кустов и деревьев, имелись красочные рисунки ископаемых ящеров с окровавлен-

ными зубами и старух в монашеских балахонах, но с посохами, увенчанными огромными сверкающими кристаллами. Сдвинув журнал, Середин увидел под ним еще один. Там в статье «Проклятое болото» было написано, что у Роськи сто пятьдесят человек сгинуло за сто лет. Украшали эту информацию летучие мыши и волки с человеческими руками. Третий журнал, нашедшийся у монитора, вину за исчезновение после войны ста пятидесяти человек возлагал на НЛЮ. Однако нарисован над ней был почему-то истребитель с немецкими крестами на крыльях.

Как понял ведун, после случившегося охотник проявил особый интерес к местам, куда его занесло, и не без успеха. Хотя источники использовал явно не «академические».

– Что здесь такое? – выглянула на шелест женщина, стрельнула глазами по сторонам, пожала плечами, вернулась на кухню.

Олег двинулся следом, под ногами скрипнули половицы, и женщина выглянула снова:

– Сквозняки, что ли? Саш, закрой окно на кухне!

Мужчина уже поел и теперь допивал компот, его супруга хлопотала у плиты, выкладывая на противень будущие пирожки с неведомой начинкой. Пробравшись мимо хозяев к наружной стене, ведун развернулся, дождался, пока противень отправится в духовку, и взмахнул рукой:

– Осуши, плакун-трава, людские слезы!

– А-а-а!!!

Увидев у стены незнакомца, толстушка шарахнулась назад и громко врезалась спиной в стол с сушилкой для посуды. Та подпрыгнула, зазвенела, но устояла. Рыжеусый мужчина, удивившись поведению жены, повернул голову, сглотнул и выронил стакан. Хорошо, уже пустой.

– Прошу прощения, что пришел к вам через стену, – успокаивающе вскинул ладони ведун. – Просто я опасался, что, если позвоню в дверь, вы не отнесетесь к моим вопросам серьезно.

– Господи, спаси душу грешной рабы твоей Алевтины, – торопливо закрестилась женщина.

– А вот этого не надо! – вытянул к ней указательный палец Олег. – От этого у меня запястье болит и настроение портится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.